Литгалактика

Парад Планет

11

Проза

сборник текстов – победителей
прозаических конкурсов «Литгалактики»

Литгалактика

Составление – Ирина Архипова
Дизайн – Виталий Музуров

Парад планет. Проза – Литгалактика, 2022. – 107 с.

В сборник вошли прозаические произведения – победители и призёры конкурсов, прошедших на сайте «Литгалактика» во вторые полгода полёта (18.07.2021 – 17.01.2022).

I. Планета Голливуд

Планета Голливуд
предлагает разнообразные конкурсы, связанные с кино (темой ли, названием или сюжетом). Большие и короткие, прозаические и поэтические – на любой вкус.

Прозаические конкурсы планеты Голливуд:

Иллюзион – серия конкурсов новых миниатюр до 5000 знаков на заданную тему.

Короткометражка – серия конкурсов новых миниатюр не более 1000 знаков на заданную тему.

Стоп-кадр – серия конкурсов новых миниатюр до 5000 знаков по одному из стоп-кадров из заданного фильма.

Иллюзион. Фильма третья

Пусть будут

Наталья_Сафронова

– Расти, малыш, проснись!
Я открываю глаза и не сразу понимаю, что меня никто не звал. Мамы нет. А отец на работе. Он работает без выходных. Не из-за денег, просто не любит бывать дома. У нас не особенно уютно с тех пор, как мама умерла.
Я встаю, умываюсь и готовлю себе сэндвич с кофе. Кажется, мама говорила, что детям вредно пить кофе. Пусть. Чем хуже, тем лучше. Я пью кофе каждый день. Все равно никто не видит. Отец возвращается домой поздно и даже не замечает, что я делал уборку, старался. Когда он приходит, я уже сплю. Вернее, делаю вид, что сплю. Слышу, как он раздевается, варит кофе. Отец пьет кофе даже ночью. Много курит. Кажется, он хочет принести своему организму реальный вред, и ему это удается. Он сильно кашляет, долго не может унять кашель. Но не идет в больницу. Я просил его об этом. Однажды пришел в мастерскую, чтобы помочь и заодно сказать, что нужно сходить к врачу. Думал, что на работе при посторонних он не будет на меня кричать. Но не успел. Сказал только:
– Папа, может быть, тебе показаться…?

Я хотел сказать: может быть, тебе показаться врачу? Но он отвернулся и спустился в яму под машиной. Наверное, не услышал меня. А я отчего-то заробел и замолчал. Подождал некоторое время. Потом отец вылез из ямы и пробурчал:
– Ты мешаешь работать.

Отец кашляет все сильнее, и мне очень страшно...
Я допил кофе и оглянулся. Нужно все-таки разобрать вещи. Месяц назад мы снова переехали. Посуда и одежда так и лежат в коробках, достали только самое необходимое. После смерти мамы мы все время переезжаем, как будто отца что-то гонит.

Я поменял три школы за три года – и ни в одной не прижился. После того, как подрался из-за Тринога, собаки, у которой не было одной ноги… Я проиграл тот бой. Тогда я был рад, что мы переехали. Но и в другой школе не сложилось. Ни с кем не получилось подружиться. А потом я вычеркнул из своей жизни друзей. Вычеркнул маму, которая умерла по моей вине. Я все время дрался, а ее вызывали к директору. Мама беспокоилась за меня – и умерла. Я не хотел об этом думать. Постарался забыть это. Просто взял и зачеркнул где-то внутри себя. Потом отца. Отец был, конечно. Но внутри меня – его не было. Пусть – раз он не хочет.

Я наводил порядок дома, раскладывал вещи по полкам. И одновременно – внутри себя. Выкидывал лишнее, все – что мешало мне двигаться вперед и вверх. Я решил, что нужно быть выше и сильнее всех. Я больше не хотел быть слабым, уязвимым. Буду заниматься борьбой – научусь давать сдачи. Буду читать книги. Буду… Я вытер слезы. Плакать – не буду.

***

Так я остался один. И жил один еще долгие годы. Никого не хотел – даже собаку. Зачем – если я не могу ее защитить?
Я так старательно зачеркнул свое детство, что когда однажды в мою взрослую жизнь залетел игрушечный самолетик, подписанный «Расти» – долго вспоминал, что это значит. Забыл свое детское прозвище. Так меня называла мама. Вслед за самолетиком с неба полетели капли дождя. Сначала редкие. Потом дождь разошелся, и я не сразу понял, что это слезы. Как ни пытался сдерживаться – они текли. И вдруг мне захотелось очиститься, стать свободным. Снять броню, которой отгородился от внешнего мира. Тяжело таскать ее на себе. Я взял ластик и осторожно стер карандаш, которым зачеркнул память о маме. Отца. Друзей. Собаку. Любовь. Пусть будут.

Иллюзион. Фильма четвёртая

Важный шаг

Владимир Печников

Мой друг детства Женька Симаков совершил в прошлом году два главных в своей жизни шага. Купил автомобиль и женился. Некоторые читатели тут же поправят меня, что сперва он женился, а уж потом на деньги тестя купил машину. Но у меня есть целый пакет достоверных сведений, что сперва был куплен шикарный автомобиль цвета снега и, Женька, воскликнув: «Теперь я принц на белом коне!» – женился. Впрочем, произошёл сам по себе естественный ход событий, ну не мог же мой друг детства в первую очередь жениться и воскликнуть: «Теперь я на белой лошади!» Опять же мне могут сказать, что Ленка, конечно, ждала принца на белом коне, вот Женька и выполнил желание невесты. Но не тут-то было…

Мне достоверно известен ход событий, ведь присутствовал я и при покупке машины, и при сватовстве. Началось всё с того, что Симаков внезапно разбогател. Можно подумать, что трудился Женька не покладая рук с ногами, но всё гораздо проще вышло, ведь когда умерла его мама, то не задумываясь, продал он двухкомнатную квартиру в приличном районе одного областного центра. Конечно, можно сразу догадаться, для чего Женька это сделал. Правильно… Чтобы исполнилась мечта всей его жизни.

Как только деньги оказались в руках, наш герой помчался в автосалон. Женька осматривал белое чудо слева и справа, потянул за зеркало, потянул за другое… От невероятного удовольствия в ходе данной операции, он так раскрыл рот, что чуть не проглотил, набежавшее на стоянку с дорогими автомобилями облако. Недолго думая, Симаков уверенно потянул за брызговик, следом стал осматривать каждое колесо, махал руками перед фарами, измерял ширину дверей, заставлял завести машину. Целый час мой друг измерял и перемерял, гладил по капоту и рассматривал…

– Ну, как вам она нравится? – спрашивал его продавец.

– Сами понимаете, ответить так сразу не могу. Купить такой автомобиль не шутка. Не с кондачка таковские дела решаются. Надо бы проехаться для начала.

– Конечно…

Женька уселся за руль, крутил его минут пятнадцать, завёл и… Для начала проехался по луже. Потом развернулся и ещё раз, только уже с большей скоростью. Остановился, вышел, наклонился, сунув руку под защиту поддона… Потом снова щупал колёса и зеркала, не глядя на нетерпеливое лицо продавца.

– Ну как?.. Решились? – спрашивал тот.
– Мне нравится эта тачка, но, сам знаешь, сгоряча дела не решаются.

На следующий день Женька привёл из гаражей специалистов, которые внимательно осмотрели машину. Но меня поразило – делали они почти тоже самое, что и наш покупатель.
– Ну как, понравилась машина?
– Да, – ответили все и я в том числе.
– Дык кончим с этим делом, наконец-то.
– Не… Не сразу, брат, – теребил Симаков пальцами рук сразу оба уха. Подумать надо.

На другой день Женька привёл специалистов из других гаражей. Те уже заметно отличались от предыдущих, а Женька бегал за ними и снова тянул за зеркала своей мечты, а то попросту пинал по новеньким блестящим брызговикам.
– Завтра дам окончательный ответ, – сказал Симаков, с каким-то волшебным чувством вдыхая из выхлопной трубы газы.

Вечером проходило бурное совещание, на котором постановили, что автомобиль следует брать и уже на следующий день продавец и покупатель ударили по рукам. Вот так, уважаемый мой читатель, Женька купил свою ласточку.

С Ленкой мой друг детства познакомился в эти же дни, когда примерялся к автомобилю. Её привела знакомиться подруга подруги его покойной матери. Пленила она Женьку быстро, что уж там говорить. Симаков был под большим впечатлением от машины, но и на Ленку пялил глаз, словно кот на колбасу домашнего приготовления.
– В конце концов, – подумал Женька, – мне уже годков немало, да и тётя эта не бедна… Женюсь, наверно, и дела все тута.

Больше всего меня поразило, уже в который раз – Женька ни за что Ленку не щипал, в зубы не заглядывал, за язык не дёргал, подол не поднимал… Да и не прокатился, уверяю вас. Зато быстро понял, что жить без неё не может и моментально принял её предложение – на ней жениться.

Таким вот образом мой друг детства Женька Симаков совершил два жизненно важных поступка. Впрочем, так на его месте поступил бы всякий ответственный гражданин нашей многострадальной родины, поскольку нельзя не признать, что жениться намного легче, чем приобрести дорогущий автомобиль.

Семья

Милана Секоненко

– Сколько можно собираться! Быстрее колёсами шевелите, без вас поеду, – проворчал папа и завёлся.

Мы поспешили. Последней из дома по ступенькам выкатилась мама, сверкая вычищенным корпусом и блестящей крышей.

– Что ты ворчишь, опять начинаешь заводиться раньше времени, – сказала смущённо мама, пристроилась на дороге сразу за папой и тоже завелась.

Я и младшая сестра встали друг за дружкой после мамы и одновременно включили зажигание. Путешествие началось. Мы отправлялись в соседний городок на встречу с друзьями. Оранжевый воздушный шарик был в зените – висел под светло-голубым потолком. Дорога проходила вдоль нарисованного во всю стену комнаты пляжа и моря с его обитателями. Над горизонтом покачивались на длинных ниточках чайки из тетрадных листов в клеточку.
Мы ехали по удобному ковролину с чётко отмеченными дорогами, поворотами и перекрёстками. На одном перекрёстке оказалось препятствие в виде опрокинутого пластмассового светофора. Можно было его аккуратно объехать, но у папы всё должно быть правильно, поэтому он подъехал к зелёной телефонной будке и вызвал дорожную службу, которая поехала к нам издалека.
А мы с сестрёнкой в это время глазели на приближающуюся в тёмных водах страшную рыбину, на весёлую медузу, пляшущую на волнах, и на краба, роющегося в песке. Медуза хвастливо покрутилась в пышной юбочке с оборками, а ужасная рыба протянула к нам длинную удочку со светящейся приманкой на конце. Мы испугались и отпрянули вбок, уткнувшись в стену. Краб шустро побежал по песку, вцепился в меня, но я быстро выскользнул из его острых клешней и подтолкнул сестричку подальше от моря.

К этому времени светофор уже поставили на место и мы отправились дальше. Сестрёнка просигналила сзади, что у меня на багажнике свежая царапина, а я тихонько отсигналил обратно, чтобы молчала, а то от мамы попадёт.
За время поездки нам повстречались две аварии. В одной были виноваты супруги, которые что-то не поделили, прямо на дороге стали выяснять отношения, обгоняя друг друга. Теперь, отвернувшись, стояли на обочине и ждали штрафные санкции, а их ребёнок в сторонке тихо и горько плакал. В другой раз авария случилась посерьёзнее: на перекрёстке при повороте столкнулись отцы семейств. Теперь они дымили открытыми капотами и доказывали, покраснев от возмущения, кто из них был не прав. Проезжающая

мимо пожарная машина окатила спорящих водой, и мне показалось, что она это сделала умышленно.
Когда мы уже были рядом с городком, навстречу промчался спортивный автомобиль. «Уууу», – гудело потом долго и неприятно в ушах. «Кажется, этот лихач нарушил скорость», – посетовал наш папа. А мама добавила: «Какие у него вонючие выхлопы, куда смотрит транспортная полиция?!»

Наконец, мы оказались на месте. Пересекли речку по деревянному мосту и въехали во двор к друзьям. Те обрадованно загудели на все лады и звуки клаксонов оказались приятными.
В гостях мы как следует подзаправились на обеде. Потом родители ушли с хозяевами поговорить. А мы, дети, собравшись своим кружком, обменивались музыкальными композициями и простыми историями из жизни. Я, например, рассказал об авариях, о встрече с ужасным морским чудовищем и победе над драчливым крабом, и даже показал царапину, и получил одобрительные возгласы. А сестра в это время увлечённо рассказывала машинкам-двойняшкам о танцорке медузе и чайке, которую она вовремя увидела в боковое зеркальце и отъехала, чтобы та не спустилась к ней на ниточке и не испачкала натёртую до блеска поверхность.
Мы не заметили, как оранжевый шарик стал потихоньку сдуваться. Наступил вечер, наша семья засобиралась обратно, получив заверение хозяев об ответном визите.

На обратном пути не было никаких происшествий, да и не хотелось задерживаться. Скорей бы домой: лёгкая заправка и – спать. А завтра будут новые приключения!

– Наконец-то я дома! – Петя переступил порог своей комнаты, включил свет и огляделся.
– Сынок, открой форточку, мой руки, приходи на кухню, чего-нибудь перекусишь перед сном, – позвала мама.
– Мам, ты трогала мои игрушки? Я их не так оставлял...

Проходя мимо Петиной комнаты, мама заглянула к нему и сама удивилась:
– И правда, что-то слишком аккуратно расставлены. Машинки не свалены в кучу, как обычно. Из кубиков какой городок красивый построен. Только шарик надо выбросить, сдулся. Может, бабушка во время нашего отъезда по-своему порядок навела? Получилось хорошо. Иди ужинать, завтра наиграешься, – и пошла ставить чайник.

Петя за месяц отсутствия соскучился по игрушкам. Он присел на корточки и стал катать по ковролину то одну машинку, то другую. Завтра придёт Вова из

соседнего дома и они вместе придумают приключенческую игру и выстроят город из конструктора и кубиков.

Тут Петя заметил на одной машине глубокую борозду, провёл по ней пальцем и подумал:
– Этой царапины точно не было! Надо спросить бабушку.

Он вышел из комнаты и не видел, как плавно раскачиваются молчаливые чайки, на стене плещутся волны, а в сторону заснувших машинок глядит из тёмной подводной норы злой и голодный морской удильщик.

Линда
Туранга

Иван Михайлович любил её много лет и никогда ей не изменял – после работы спешил убедиться, что с ней всё в порядке, выходные проводил в её обществе, даже в отпуска ездил только с ней.

Жена в первое время пыталась устраивать истерики и скандалы, грозилась даже искалечить соперницу и поджечь, но он только молча усмехался. В конце концов, жена смирилась: муж не пьёт, деньги на хозяйство исправно выделяет, ни разу на неё не то что руки не поднял – даже голоса не повысил, где находится – известно. Чего ещё желать можно?

Правда, хотелось бы, чтобы он почаще дома бывал, но тут уже выбирать надо: либо мужик дома сидит – ничего не делает, либо, как говорится – при деле. Тем более, что всю мужскую работу по дому Иван Михайлович выполнял без указаний и напоминаний – всё работало, ничего не болталось и не падало.

Все подружки и соседки на мужей жалуются – одно и тоже по десять раз надо говорить и пальцем тыкать, а пока не наорёшь – с места не сдвинутся. Ни гвоздь самостоятельно в стенку вбить не могут, ни лампочку вкрутить – всё подай им и покажи: где молоток лежит, в какое место гвоздь вбить, какую лампочку поменять?

А Линда – ничего себе так блондиночка, не капризная – денег много не просит. Зато польза от неё немалая: съездить куда-нибудь, привезти-отвезти, а когда начинается дачный сезон – вообще становится незаменимой.

Оба сына пошли в него – такие же молчаливые и нелюдимые бирюки, слова лишнего не вытянешь. Но и руки отцовские – растут откуда следует: с малолетства за отцом по пятам ходили – инструменты принести, лампочку подать, полочку прибить. Мужской работе научены, а что комплименты женщинам говорить так и не научились – не беда, не в этом счастье-то семейное – зато дом крепкий и достаток в нём.

Правда, злые языки ехидничают – не видать вам новой техники: ни телевизора, ни холодильника с пылесосом, ни даже машины импортной. Ну так что? Много ты на иномарке по бездорожью наездишь? – больше на ремонте простоишь. А наша Линда ни дня на ремонте не стояла, а сколько этих самых иномарок из грязи повытаскивала? То-то же.

Сколько ласковых слов Иван Михайлович своей Линде наговорил – жена столько не слышала! Обидно немного, конечно, даже ревностно порой бывает. А как куда-нибудь поехать – сразу про ревность забывает.

В первое время, как только эти иномарки на дорогах запестрили – заикнулась было, что пора, дескать, машину поменять, а то соседи засмеют. Но после того, как старенькая неказистая Линда вытащила из грязи пяток красивых иномарок – примолкла, оценила и зауважала. А соседи, что раньше смеялись над ними, всё чаще пешком стали ходить – капризные эти дамы иностранные, всё им не так – и дороги неправильные, и бензин не такой.

А Линда не капризничает: ест – что дают, и едет – куда скажут.

Удивлялись все, конечно, что Иван Михайлович свою машину таким странным именем кличет – даже к жене его поначалу приставали: спроси у него – откуда он такое иностранное имя выкопал? Да разве он скажет, если сам не захочет?

Бесполезно у него что-то выведывать против его воли – молчит привычно в ответ: бирюк – он и есть бирюк!

Так и прожили вместе больше сорока лет, да только срок, видать, подошёл – слёг Иван Михайлович и не встал больше. Впервые в жизни пожаловался однажды вечером на плохое самочувствие, прилёг на диван и уснул. Не стала его жена будить – ушла в спальню одна. А утром поздно уже было.

Хлопоты, как водится, начались – транспорт позарез нужен; сыновья – в гараж, да только не заводится Линда – и всё тут. Пришлось другую машину искать.

Проводили Ивана Михайловича, как положено, а после сороковин решили сыновья машину посмотреть – что с ней не так? Но как ни бились, а завести её так и не смогли. Видать, у машин тоже сердце и душа есть – не выдержала Линда тоски и ушла вслед за тем, кому преданно служила все эти годы.

Так никто и не узнал – почему Иван Михайлович Линдой её называл? Унёс он секрет с собой. И Линду с собой забрал. Отвезли сыновья Линду на кладбище и возле могилки оставили. В ту же ночь Иван Михайлович всем домочадцам во сне приснился: стоит он с Линдой – и улыбается.

Иллюзион. Фильма пятая

При виде меня вам лучше закрыть глаза

Милана Секоненко

Повеяло холодом, сыростью и запахом лежалой листвы. Наконец наступила долгожданная прекрасная пора: пора промозглой осени с постоянными дождями и сумеречным дневным светом. Чердак старого дома полностью поступил в наше распоряжение. Все жильцы засели по тёплым квартирам, сюда заглядывали редко: банку с вареньем или заготовками отнести в квартиру к ужину или праздничному обеду, да постельное бельишко развесить. Без частых гостей мы быстро заскучали. Пришлось самим навещать то одного жильца дома, то другого... Поразвлечься, попугать, чтобы забавной историей за завтраком друг с другом поделиться, а потом на боковую и – до позднего вечера дрыхнуть за дощатой стенкой чулана среди зонтов с поломанными спицами, ветоши и вёдер.

– Ты, Прозрачная, ногти красишь... Опять что ли к студенту из семнадцатой квартиры полетишь?!
– А сам-то, Серый, вчера у незамужней рыжеволосой в однокомнатной угловой всю ночь под потолком провисел!
– Так она кино не выключала! Ты же знаешь киноведшу эту. Смотрела подряд чёрно-белые прошлого века. Сначала фильм ужасов тридцатых годов «Чёрный кот», потом «Доктор Джекилл и мистер Хайд», дальше запустила «Доктор Кто» шестидесятых с первой серии, а сама заснула. В одиночку досматривал, с котом её, пока будильник не зазвенел. Ну ты, как никто, понять должна: в этих фильмах наша любимая потусторонняя «Токката и фуга ре минор» Баха, прелесть как звучит, – заслушаешься.
– Не верю! Этот котяра всю ночь орал бы, только тебя увидел, и «Токкату» он терпеть не может.
– Так я от подола кусок отщипнул и кота им словно прозрачной тканью прикрыл. Так и лежал пузом кверху ни жив ни мёртв, глаза вытаращил, онемел, мяукнуть не посмел.
– Ха-ха, в рифму заговорил. Предупреждала тебя не наведываться пока к Поэту – осенью легче лёгкого подхватить творческую лихорадку. Совсем пропащим станешь. Забыл, что с Белым случилось: вон с прошлой недели из угла не вылезает, уже и паутина лохмотьями висит на лысине. Беленький, лети к нам, посидим, поужинаем, скоро свет в доме гасить начнут, а мы повеселимся...
– При виде меня вам лучше закрыть глаза.
Привидится жуткое облако: стой, замри!
Приветствую, храбрый! Ко мне в объятья – сюда!
Приятельски будем кружиться до бледной зари.

– Ой, пафоса-то, пафоса. Ты хоть стихи загробным голосом не читай. Здесь все свои. Да и над рифмой глаза-сюда поработай ещё. Слабенькая. И слоги посчитай – ритм сбит.
– Видно, Белый сегодня опять не слезет... Ну что, Прозрачная, высох лак? По рюмашке? На троих. Смотри, кто в окне объявился!
– Да-да, не обознались. Собственной персоной, – Мутный, прошу снова любить и жаловать. Вернулся из дальних странствий и – прямо к столу. О, графинчик заждался, припрятали наливочку от жильцов – это по-нашему! А чего вы болезного, Белого к стропилам загнали?
– Это он сам себя туда возвысил. Поэтический дар полмесяца как открыл. Пал жертвой литературы.
– Высокой хоть литературы-то?
– До конца не известно, вдохновитель пока жив.

Перед вылетом на работу, соблюдая в точности ритуал, каждую ночь собираемся у чердачного окошка. В подобные осенние дни звёзд не видно, да нам они и не нужны. Когда нет тумана, лучше всего не отрываясь глядеть на бесконечно растянутые струи ливня. Тело тоже удлиняется, делается совсем невесомым, а призрачное сердце становится похоже на голубое ватное облачко. Тогда его смело можно подержать в руках: бьётся словно настоящее. Но утренние туманы – лучшее, что придумано для представителей потустороннего мира. Рассветной туманной моросью залечиваются нечаянные порезы и прорехи наших тщедушных тел. Повертишься в белёсом облаке, наматывая седые пряди тумана, и становишься как новенький. Люди назвали такой мир потусторонним, но это от того, что сами находятся по другую сторону. Отличие в том, что нас они замечают крайне редко, мы же – постоянные жильцы обеих сторон, беспрепятственно пересекаем преграды на пути.

– Ну что, Мутный, на родные места всё наглядеться не можешь? Пора уже готовиться к вылету.
– Да, Серый, домой во время путешествия, конечно, тянуло. Всё-таки за границей люди другие. Здесь тёртый народец: чтобы поверили да отреагировали, много нервных клеток надо потратить и чудеса изобретательности проявить. Творчеству способствует. О! Ты, Прозрачная, сегодня как никогда хороша! Надеюсь, студентик оценит упорный труд, синий лак и бледный вид. Пропускаем даму вперёд!
– Мутный, помни, к Поэту в окно даже не заглядывай. Серый, не мучай котяру. А если киноведша кино не станет смотреть, в гости знакомого пригласит?.. Пока, встретимся утром, за завтраком: жильцы банку с клюквенным сиропом забыли. Эх, у Беленького такой вид несчастный.
– Прозрачная, мы за тобой следом. Белый, жди нас...
– При виде меня вам лучше закрыть глаза.

Приблизитесь, станет в миг не до смеха здесь!
Привидится: тени, образы, голоса –
Приветить спешат поэтов и поэтесс.
– Ритм выправился, рифмы лучше, но что-то главное ушло!
– Не шути, услышит, обидится.
– Да нет, смотри: спустился к окну, машет нам, улыбается.
– Значит, выздоравливает... Слава тебе Господи, поэтический морок спадать начал.

Иллюзион. Фильма шестая

Снеговик Кеша

Елена Ланина

Снеговик Кеша получился, прямо скажем, неудачным. Маленький мальчик слепил его из грязного мокрого снега, а вместо носа воткнул кривой сучок. Глаза нарисовал грязью, руки совсем позабыл сделать. Головного убора у Кеши тоже не было – не нашлось даже самого захудалого ведёрка.

Мальчика позвали домой, и он умчался, довольно похлопав своё творение по пузу. Кеша остался печалиться в одиночестве на затоптанной неопрятной клумбе.

– Вот ведь, не повезло как. Сделал криво, экипировал так себе... – бурчал горе-снеговик, глядя на мир подслеповатыми неровными глазами.

– Что же делать? Даже в затылке почесать нечем. – Кеша попытался покрутить головой, но тут же замер, почувствовав, что голова в любой момент может отвалиться.

– Эх-хе-хе...– снова завёл он, но его перебило насмешливое «Кар!»

– Кар-ха-ха! Кар! – большой ворон опустился Кеше на голову и стал внимательно его разглядывать.

– Кар-кой экземпляр! Кар-карсавчик! Такой нам сгодится! – ворон нахально клюнул кривенький сучок.

– А ты... а Вы к-кто? – интеллигентно поинтересовался Кеша.

– Мы-то? Мы – снегобОрцы! Боремся против глумления над снеговиками и снежными бабами! Главный у нас – СнегоЁг! Он собирает свою кар-кар-кармию! – ворон надулся от важности и задрал клюв: – Кар-кар-карьеру сделать хочешь?

– Кар-кар, тьфу, какую карьеру? – Кеша смутился от такого напора пернатого воина. – У меня же даже рук нет! – он показал глазами на нижнюю часть себя.

– А, это! Пустяки! Кар-кар-Каргуша, явись! – три мощных хлопка крыльями материализовали махонькую сухонькую старушку.

– Знакомься! Кар-кар-Каргуша из Диканьки. СнегоЁгова сестра и стилист по совместительству. Она тебя мигом починит!

Каргуша сделала круг вокруг Кеши, потом ещё один, чуть быстрее, ещё быстрее и, наконец, закружила, словно вихрь!

Когда вихрь утих, на белоснежной клумбе, играя мускулами, стоял шикарно сложенный снеговик! Все конечности его были идеальной формы и на нужных местах.

– Ну кар-кар-как, нравится? – ворон уселся снежному атлету на плечо.

– Ещё бы! – сверкнул белоснежной улыбкой Кеша, разглядывая своё отражение в окне соседнего дома.

Он хотел было поблагодарить Каргушу, но той уже и след простыл, растворилась в морозном воздухе.

– Слушай, ворон, а с кем воевать-то надо? Кто наш враг? – Кеша потянулся к хвосту ворона, но тот резво улепетнул на изгородь.
– Так это...кар-кар-как его? С людьми воевать надо. Вернее, с их птенцами, детьми, то есть. Это ж они вас лепят напр-р-раво и налево, только знай, испр-р-равляй!
Кеша замер. Атлетические плечи опустились, брови спозли к вискам. Он вспомнил мальчика, который его слепил – румяные щёчки, тёплые ладошки, задорный смех...
– Как можно его обидеть? – размышлял Иннокентий, мысли путались, метались в его красивой голове.
– А что происходит с теми, кто отказывается присоединиться к вашей кар-кар-кармии? – передразнил Кеша ворона.
– Они тают... – уклончиво ответил тот.
– Вот что, друг ворон! Вовсе ты мне не друг! И воевать я буду с тобой, а не с детьми! Нас лепят для радости! Не важно, какой я получился! Важно, что мальчик, который меня слепил, был счастлив от этого! – Иннокентий силился сдвинуть с места ноги. У него это получилось! Грозно сжимая снежные кулаки, он двинулся к ворону.
– Кар-кар-кар-раул! – ворон отпрыгнул и трижды хлопнул крыльями...

– Дедушка, смотри, ещё одна замёрзшая лужица! Здесь тоже Каргуша побывала! – Снегурочка погладила ладошкой заснеженную ледяную поверхность.
– Отойди-ка, внученька! – Дед Мороз стукнул о землю волшебным посохом, буркнул что-то в бороду и пошёл дальше.
А на истоптанной клумбе остался стоять Кеша – без рук, без головного убора, с подслеповатыми неровными глазами, кривым сучком вместо носа.

А потом пришло утро. И примчался счастливый мальчик, который слепил Кешу. Он привёл с собой старшего брата, маму, папу! К груди он прижимал оранжевую морковку и нарядное красное ведёрко. В ведёрке обнаружились тёплые вязаные рукавички. Оставалось найти пару подходящих прутиков.
– Скоро я смогу почесать в затылке! – обрадовался Кеша.
Трещал мороз, в воздухе кружилась армия снежинок. Клумба сверкала под первоянварским снежным покровом. Снега было так много, что можно было лепить и лепить снеговиков...

Короткометражка – 4

Зевс

Ирина Архипова

Зевс внимательно наблюдал.

Этот странный, неизвестно откуда принесённый хозяином щенок не вызывал доверия. Щенок (хозяин называл его Гермесом) тыкался во все углы, будто не зная, что делать.

«Тоже мне – Гермес! Гермес – это звучит гордо! А этот... Тузик, что живёт в доме напротив, такой же бестолковый», – размышлял пёс.

Щенок тем временем добрался до миски с водой и стал жадно лакать. Напившись, сел и осмотрелся вокруг. Зевса он не видел. Тот тихо лежал в углу, словно в засаде. Щенок двинулся в его сторону. Посреди комнаты остановился и сделал лужу. «Фи!» – последовал вердикт Зевса.

Щенок всё ближе подходил к месту, где затаился пёс. И вдруг увидел Зевса. Лишь секундное замешательство – и щенок уже тыкался мокрым носом в грудь и морду пса, обнюхивая его и негромко поскуливая. Потом неожиданно лизнул его морду. «Фи!» – вновь подумал пёс.

А Гермес пристроился рядом на коврике, повозился немного и уснул. «Ладно, воспитаем», – решил Зевс, глядя на сладко посапывающего возле его бока щенка.

Арнольд
Ольга Альтовская

Соседский пёс Арнольд, чистокровная дворняга, долгое время сидел на цепи, исправно служил, но постарел, ослеп и осип. Хозяева взяли молодого, звонкого пса. А его оставили доживать во дворе на вольных хлебах.

Лохматый, со свалявшейся грязной шерстью, старик не досаждал хозяевам. Они его кормили по привычке. И пёс, радостно сипя, по-собачьи их благодарил.

Случилось так, что у нас во дворе появилась Жучка. Сама пришла. Прижилась. И в определённый момент загуляла. Окрестные кобели, узнав эту новость, ринулись к нам во двор. Спасаясь, мы забаррикадировались. Заделали все лазейки, прорехи в заборе. И вдруг увидели: старый слепой Арнольд перелезает к нам от соседей – по сетке-рабице! Десантник, блин! Герой-любовник!

«Старый, а ты-то куда?» Но Жучка его приняла. Пожалела?

Однажды, придя домой, мы нашли растерзанное тело Арнольда, загораживающее вход в будку, где пряталась испуганная Жучка. И догадались о том, что произошло.

Арнольд бился с кобелями до конца, спасая любимую. И погиб как герой.

Пират

Ольга Альтовская

Любимец двора Пират был для дворняги удивительно красив: с каштановой волнистой шерстью, большими умными глазами и гордой осанкой. К тому же обладал романтичной натурой. Весь двор нашей пятиэтажки наблюдал, как он ухаживает за симпатичной болонкой Лялькой. Он отгонял от неё надоедливых ухажёров, сопровождая на прогулках, приносил косточку и дежурил у двери квартиры.

– Влюблён! – смеялись люди.

А Лялька, кажется, принимала его ухаживания как должное. Пока этажом ниже не загуляла соседская собака Кукла. Поначалу Лялька не тревожилась: разве может эта чувырла сравниться с ней – такой обаяшкой!

И вдруг случайно увидела, как её верный рыцарь Пират лежит под дверью Куклы – тоскливо выскуливает сопернице собачью серенаду!

Надо было видеть, как Лялька кинулась на изменника и с каким позорным визгом он покидал место преступления!

Приревновала! А он, гонимый разъярённой болонкой, бежал вниз, поджав хвост, как нашкодивший щенок.

– Оказалось-то: ходок ещё тот! – судачили соседи.

Всё как у людей.

Короткометражка – 5

«Ветер перемен»

Aleker

"Осторожно, двери закрываются...» – говорит электронный голос.

Стучит, двигаясь по рельсам, состав метро. Воздух словно весь наполнен какими-то звуками. Почему-то весь этот шум раздражает. Закрываю глаза, пытаясь как-то отключить мозг. Не получается. В поисках спасительной соломинки смотрю по сторонам. Задерживаюсь на девушке, сидящей справа от меня. Короткая стрижка-пикси, наушники в ушах, футболка с изображением большой рыбы в радужных красках, короткая юбка в клетку, стройные ноги в чёрных колготках. Возвращаюсь к лицу девушки – милое, украшенное гроздью веснушек. Девушка ловит мой взгляд, улыбается. Затем достаёт из одного уха наушник и протягивает мне. Из динамика играет «Ветер перемен» Скорпионс.

И вот мы сидим с ней, связанные тонким проводом, как черешенки – плодоножкой. Я чувствую запах её духов, щекой касаюсь её волос, и мне нестерпимо хочется прижать её к себе.

В вагоне метро вакуумная тишина. И только «ветер перемен» уносит меня в неизведанные края.

О пользе музыки
Гелия Алексеева

Мы поссорились. Она вошла в подъезд и хлопнула дверью. Но наши дома были напротив. Придя, я открыл окно, включил музыку и запел голосом Караченцева:

«Ты меня на рассвете разбудишь, проводить необутая выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь, ты меня никогда не увидишь»

В ответ из окна напротив полилась песня и мне ответила Лолита Милявская:

«Не подходи ко мне, я обиделась раз и навсегда, не подходи ко мне больше никогда»

У меня возразил Валерий Меладзе: «Я не могу без тебя. Видишь куда не беги, все повторится опять»

Из окна раздалась новая песня голосом Фиксай:

«Вали из моей головы, я хочу забыть с тобой все сны…»

Но вдруг музыка оборвалась. Я улыбнулся, потому что вспомнил продолжение фразы:

«Невероятно, да, но я жду тебя обратно, да»

Я выглянул в окно. Весенний ветер ворвался в комнату звенящим пением птиц, шелестом листвы. Шум проезжающих машин напомнил о быстротечности жизни. В доме напротив, у открытого окна стояла Она. Мы посмотрели друг на друга и весело рассмеялись.

Короткометражка – 6

Не трогайте тигров

Владимир Печников

Обожаю цирк! Обожаю его запах, его эскимо, его удивительную атмосферу, когда детское неподдельное: «Ах!» – до верхушки купола… Люблю почти всё в цирке: люблю жонглёров, акробатов, клоунов люблю! Не люблю, когда выступают с животными, кроме собак, кошек и лошадей. Домашние, они и есть домашние. К ним привыкли, а вот звери лесные… Сразу вижу подделку, и слово «дрессировка» не вяжется для меня с дикими зверями. Не для них оно, это слово.

Не знаю, как, но эти мысли и моим детям передались. Смотрели с дочкой тигров Запашных. В середине представления Аня расплакалась: – Отведи меня немедленно к директору цирка, – потребовала она. – Как? Зачем? – разволновался я, не зная, что предпринять. – Отведи! – уже рыдала Аня во весь голос.

Другой на моём месте растерялся бы ещё больше, но я знал, где находится кабинет директора и повёл туда дочь, которая стала немного успокаиваться.

– Не трогайте тигров! – воскликнула Аня, как только открылась дверь… вырвалась из рук и убежала.

Фокус
Aleker

Я – фокусник. Ловкие движения рук, огромное количество потайных карманов в складках одежды – вот и всё волшебство.

Каждый вечер я надеваю длинный чёрный плащ, а лицо скрываю под маской, чтобы невольной мимикой не выдать себя, и выхожу на арену.

Сперва несколько несложных карточных фокусов под восхищённые взгляды публики; превращение трости в букет цветов. Искусственных, разумеется. Извлечение живого голубя из пустого цилиндра. И под занавес – исчезновение ассистентки.

Хрупкая симпатичная девушка, улыбаясь и помахивая зрителям рукой, заходит в трибуноподобный ящик. Я задёргиваю бархатную штору, громко произношу «заклинание» и хлопаю в ладоши. Ящик окутывается дымом. А когда я одёргиваю штору, в ящике никого нет.

Раздаётся гром оваций, зрители в восторге. Я кланяюсь публике и думаю: где же мне завтра взять новую ассистентку?..

Фокус

Милана Секоненко

Иллюзионист устало доставал из цилиндра всё новые предметы. Под куполом цирка уже висело плотносбитое облако из воздушных шаров. Вдоль облака парили голуби, бывшие сначала в магических руках прозрачными шариками, но, подбрасываемые вверх, тут же со звуком «порх» превращавшиеся в дородных птиц. Повсюду в воздухе летали платки и ленты из органзы и газа. Фокусник, почему-то всё больше нервничая, без стеснения наклонялся и заглядывал в раскрытую пасть цилиндра, стоящего посередине зеркального стола. С ожесточённым лицом, не замечая довольный галдёж зрителей, он порывисто выхватывал из ранее не подводившего головного убора пышные букеты, стакан с водой, бутылку шампанского, карты и деньги. В шляпе явно чего-то недоставало. Антрепренёр пытался привлечь внимание артиста, чтобы благополучно завершить выступление, оркестрик готов был исполнить туш, но маг не сдавался. А кролик, скромно сидя около тёмной портьеры, с любопытством наблюдал за почти взбесившимся волшебником, который вчера после представления не дал заслуженное лакомство.

Короткометражка – 7

Говорящее письмо

Елена Картунова

Проснулась. Разлепляю веки... Над головой парит белый прямоугольник. Осторожно дотрагиваюсь до него пальцем, и тут же – голос:

– С пробуждением! Я – говорящее письмо. Вы закидали Небо слезами и жалобами на фобии. Прошение рассмотрено и вынесено
решение активировать способность клиента к самостоятельному созданию личного хранителя-защитника.

– Ангела, что ли?

– Не перебивайте! Хранитель приобретает облик, удобный для просящего.

– А как же ангелы? – не унималась я.

– Ангелов на всех не хватает. Но, поскольку в генотипе каждого человека заложена искра божья, то вам
доступна возможность творения. Запускаю процесс активации. – И письмо исчезло.

Я зажмурилась, представляя задуманный образ и... Господи, что это? На полу сидел карликовый... алабай.

– Ты, что ли, мой хранитель?

– Ну я. А что не так?

– Да размеры... того.

– Не в размерах дело, – обиделся он, – а в духовной силе.

– Ну да, – усмехнулась я, беря кроху на руки. – Пойдём завтракать, а там видно будет, кто у кого хранитель.

Но настроение заметно улучшилось. Всё-таки, какой-никакой, а защитник!

Письмо из будущего
Ольга Альтовская

Леле пришло странное письмо: в синем конверте, написанное от руки детским почерком, от какой-то Таи из Австралии.

Начиналось оно так: «Здравствуй, дорогая бабушка!»

– Видимо, ошиблись адресом, – подумала Леля. Какая бабушка? Ей двадцать лет. Но на конверте её адрес, её имя, отчество и фамилия. И марки иностранные…

«Странно», – удивилась она и продолжила читать.

«Ты обещала к нам приехать на лето, и мы все тебя ждём: папа Игорь, мама Таня, я и братик Тёма. Ему уже два года, но он уже вовсю говорит и учит буквы. Я его учу читать по букварю. У нас давно нет света и интернета, поэтому мы читаем книги и пишем письма на бумаге. «Как в старину», – говорит папа. Приезжай, мы тебе покажем живого кенгуру и утконоса. Целую. Твоя внучка Таисия. Привет дедушке Севе.»

Ниже стояла дата: 1 июля 2083 года.

«Что за ерунда! Сейчас 2025 год, – подумала Леля. – Наверно, Севка прикололся. Вот я ему устрою!»
Леля быстро собралась и выбежала из дома. Внизу её ждал Севка.

Они сегодня подавали заявление в ЗАГС.

Стоп-кадр – 2

Клиент всегда прав!

Таёжник

Аптекарь, он же провизор и продавец Пал Палыч Васин был с утра в отличном настроении. На улице моросил холодный осенний дождь, а он сидел в тепле в своей аптеке и с хрустом грыз яблоко. Несколько крупных и ароматных антоновок ему сегодня презентовала одна давняя клиентка, для которой Пал Палыч всегда оставлял десяток самых крупных и жирных пиявок.

Звякнул дверной колокольчик и в помещение вошёл редкий на сегодня клиент. Это был улыбчивый, не высокого роста мужичок с небольшим брюшком и аккуратной лысиной.

Мужичок поставил в угол раскрытый зонт и подошёл к окошку:

– Здравствуйте! Мне гвоздей пожалуйста! Коротышка достал листок из кармана, – значит, так: кило гвоздей на 75 и полкило на 120.

Пал Палыч за свою долгую аптекарскую жизнь повидал много чудаков, но чтобы просили в аптеке гвозди...

– А вы, собственно, знаете куда пришли?

– Конечно, знаю! За гвоздями! – широко улыбнулся коротышка

– А вывеску читали на входе?

– Не обратил внимания, но по-моему, аптека.

– Вот именно, что аптека, а вы чего просите?

– Гвоздей, – что тут не понятного? Кило на 70, и полкило на 120.

Настроение у Васина медленно пошло на убыль.

– Вы что – издеваетесь? Это а-пте-ка! – проговорил он с нажимом, но уже с нарастающей злостью, – видите вокруг одни полки с лекарствами!

– А вон яблоки ещё вижу, – посетитель кивнул на стол.

– А это не ваше дело, что у меня здесь лежит! – перешёл на крик Пал Палыч, – угостили! Давайте, говорите, что вам нужно и до свидания!

– Я уже сказал, что мне нужно. Гвозди. Килограмм на 75 и...

– Убирайтесь! – прервал покупателя побагровевший Васин, – вы за кого меня принимаете – за идиота?

– А что вы кричите? Я же спокойно прошу – дайте гвоздей и всё. Что я зря по дождю три квартала топал?

Пал Палыч закатил глаза и, сжав кулаки, прохрипел:

– Уже полчаса вы издеваетесь надо мной и хотите, чтобы я оставался спокойным? Интересно, как вы бы вели себя на моём месте?

– А что – давайте поменяемся, и вы увидите, как нужно обслуживать клиента! Культурно и без истерики!

«Вот сейчас я на тебе отыграюсь!» – злорадно подумал Пал Палыч и посмотрев на коротышку уничтожающим взглядом, согласился, – а давайте!

Когда странный клиент встал на его место, Васин прошёл к двери и хищно улыбаясь, прошествовал от неё к окошку:
– Здравствуйте, это же аптека, я не ошибся?
– Здравствуйте! Аптека, конечно! Мы очень рады, что вы выбрали именно нашу, лучшую в городе аптеку! Что бы вы хотели? – учтиво спросил коротышка.
Пал Палыч в предвкушении наслаждения от вида посрамлённого клиента, ехидно протянул:
– Гвозде-е-ей! Кило на 75, и полкило на 120.
Но коротышка был спокоен, как мамонт. Он улыбнулся и протянул раскрытую ладонь.
– Что надо, не понял? – проговорил Пал Палыч.
– Рецепт давайте!

Аптечная рапсодия
Милана Секоненко

Аптекарь Иван Иванович был интересным собеседником.

Я заходила к нему по вечерам перед закрытием аптеки, когда поздно возвращалась с работы. Увидев меня на пороге, он радостно потирал руки, приглушал свет, вешал табличку «закрыто» на дверь. Церемонно приглашал присесть на обитую вишнёвым дерматином скамью у окна и, принеся два бумажных стаканчика с чаем, садился рядом. Свой уютный закуток, где хранились лекарства, Иван Иванович оберегал ото всех, а сам в свободные минуты отдыхал в нём, клюя носом. Но заслышав колокольчик над дверным проёмом, вмиг оказывался на рабочем месте с неизменной улыбкой на одухотворённом лице. Он был стар, долговяз и сутул, но удивительно подвижен и ловок. Длинные руки с красивыми словно у пианиста пальцами мелькали над прилавком во время работы, будто исполняя только ему слышимую рапсодию, блюз или джаз. Каждого покупателя аптекарь обслуживал как любезного сердцу друга, обволакивая волшебным теплом и погружая в эфир хорошего настроения.

Мы сидели с ним остаток вечера перед тёмным окном, за которым в спокойном пульсирующем ритме на густой листве загорались и гасли перевёрнутое название аптеки и чаша со змеёй. Примерно раз в десять минут слушали, как позванивает на повороте трамвай. И тут же в угловом шкафу с красным крестом на дверце, вторя трамваю, позвякивали бок о бок бутылочки с микстурами.

Иван Иванович был полон энциклопедических знаний. Мне хотелось хоть чуть-чуть ему соответствовать, но по лукавинкам в уголках добрых глаз понимала, как малы мои познания и как быстро заканчиваются фиаско старательные попытки поддержать серьёзный разговор. Зато любила слушать небольшие рассказы из разных областей науки. Аптекарь по точно вымеренной дозе выкладывал новую информацию, ровно столько, чтобы она усвоилась. Рассказывал он доходчиво, с удивительным искусством чередовать сведения и чувствовать конкретного собеседника. Несколько раз в год приходилось провизору приглядывать в аптеке за доверенным ему то одним, то другим ребятёнком, маме которого нужно было сбегать за забытым кошельком или отлучиться по другому неотложному делу. Иван Иванович с ребёнком любого возраста находил общий язык, развлекая прибаутками, стишками, а то и немудрёным фокусом, успевая при этом обслуживать посетителей.

Аптека стояла на отшибе, в непопулярном у туристов месте. Поэтому заходили в неё одни и те же, в основном, живущие поблизости люди. Сам аптекарь жил недалеко, во дворе старинного дома, на втором этаже, куда поднимался по истёртым ступеням узкой каменной лестницы. Я знала, что старый человек одинок, но неловко было спрашивать о родне. Каждый раз после беседы, опустив жалюзи и заперев дверь, аптекарь галантно провожал меня до остановки, дожидался трамвая, помогал подняться по ступенькам, придерживая за локоть. Я садилась на правой стороне салона, чтобы помахать на прощание Ивану Ивановичу.

Так получилось, что наш офис неожиданно переехал поближе к центру, мы были заняты, и недели три я не вспоминала о покинутом районе. К тому же теперь аптека была мне не по дороге ни к дому, ни к месту работы. Как-то в выходной я опомнилась, вышла из дома и доехала до знакомой улочки с аптекой, в которой провела столько замечательных минут за беседой с Иваном Ивановичем. Подходя к аптечному крыльцу, почувствовала, что что-то не так. Входная дверь поменялась на автоматическую. В помещении шла перестановка мебели. За прилавком стояла хмурая женщина, которая, не посмотрев на меня, отвечая на вопрос, буркнула, что не знает, где предыдущий аптекарь – кажется, умер.

Ноги сами принесли меня во двор к Ивану Ивановичу. К мусорному баку были прислонены стопки книг и пластинок. Где-то наверху колодезного двора горестно прокричали чайки. На ватных ногах я поднялась на второй этаж. Из полуоткрытой двери неслись звуки дрели и выползал серый шлейф строительного смога. Из квартиры на площадку были вынесены вещи.

Стоял, косо прислонённый к стене, пожелтевший от времени портрет. По деталям можно было понять, что портрет – фотография сороковых годов. Той самой аптеки. В центре сидела пожилая пара в белых халатах: высокий худой мужчина и круглолицая женщина. По бокам от них стояли девочки-подростки. За спинами мужчины и женщины стоял строгий мужчина в военном кителе, держа под руку женщину с лучистыми глазами. В маленьком мальчике, сидящем на коленях дедушки-провизора, легко угадывался Иван Иванович.

Подхватив под мышку фотографию в тяжеленной раме, я спустилась по лестнице. У мусорки задержалась, рассматривая собранную стопками бывшую жизнь аптекаря. Наверху пластинок лежала «Rhapsody in Blue» Джорджа Гершвина. Положив её себе в пакет, пошла по брусчатке к арке, ведущей на улицу.

Я шла в последний раз по этой улице. Проходя мимо аптеки, заглянула в окно. Посередине помещения стоял разобранный угловой шкаф, рабочие несли

скамью к выходу. Там, ожидая занять своё место, застыли новенькие уродливые кресла болезненно салатового цвета. На крыльце надрывался радиоприёмник, отпугивая ворон навязчивым ритмом нудного молодёжного хита. Вдруг по стене аптеки запрыгали солнечные зайчики. Наверное, это были отблески солнца на стекле с фотографией. Я, отвернувшись от витрины, бережно перехватила тяжёлый портрет под другую руку и заторопилась к трамвайной остановке.

II. Планета путешествий

Азартных и бесстрашных путешественников ждут захватывающие турпоходы, как в ближайшие к нам звёздные системы, так и высшей категории сложности – годовой марафон за звание Покорителя Вселенной (Лучший Прозаик Литгалактики) и Лучшего Туриста-Путешественника (Лучший Автор Малой Прозы).

А для любителей сразиться один на один – на планете Марс открыта замечательная дуэльная площадка.

Конкурсы планеты Путешествий:

Земля – Орион. Конкурс миниатюр – конкурс миниатюр, содержащих не менее трёх из шести заданных слов.

Земля – Орион – Минтака. Путешествие пятое (55-словники) – конкурс произведений, состоящих из трёх 55-словников, объединенных общей идеей, и это должно быть смешно.

Земля – Орион. Зимний конкурс миниатюр – конкурс зимних историй, в тексте должно быть спрятано слово или фраза.

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурс психологических рассказов.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс афоризмов

Земля – Созвездие Жирафа. Конкурс детских рассказов.

Земля – Созвездие Мухи. Конкурс абсурдизмов

Хроники Марса. Серия анонимных прозаических дуэлей.

Земля – Созвездие Насос. Конкурс эссе «Здравствуйте, я ваша тётя!». Конкурс эссе на заданную тему.

Земля – Созвездие Дракона. Второй конкурс сказок.

Земля – Созвездие Гончих Псов. Конкурс фантастических рассказов.

Земля – Созвездие Наугольник. Конкурс в стиле. Кено

Земля – Созвездие Эридан. Конкурс мистических рассказов

К барьеру! Серия неанонимных прозаических дуэлей.

Млечный путь – рукав Ориона – Планета Земля. Путешествие в Италию – смешанный конкурс стихотворений и прозаических миниатюр на тему «Старые, поломанные, ненужные вещи. Монологи, диалоги, воспоминания...».

Земля – Орион. Конкурс миниатюр

Жаркая сказка

Елена Картунова

– Жара, – пробормотал светофор прежде, чем его перекосило. Красный свет съехал на желтый, желтый раздулся и закипел, а зеленый вытянулся в каплю и завис над расплавленным перекрестком.

– Жара, – сказала девушка сама себе, останавливаясь на перекрестке с непонятным светофором и яростно обмахиваясь тоненькой книгой. Книга была в обмороке и не сопротивлялась. Но от сиропного движения раскаленного воздуха не было никакого толка. Подтаявшее тело девушки жалобно просило пить. Миражи луж на асфальте призывно колыхались. А внутренний голос гнусавил: «Не пей из лужицы…»
– Я сейчас упаду, – ответила девушка внутреннему голосу.

– Вам помочь? – поинтересовался у девушки проплывающий кит.
– Помочь. Обязательно помочь, – бессильно прошептала она. Мне надо на другую сторону, а тут вон, что творится… И ноги не держат, растворяются.

– Жара, – констатировал кит и стал автомобилем. Из него вынырнул парень и подхватил оседающую девушку.
Из ее руки выпала книга и, от неожиданности придя в себя, отчаянно захлопала обложкой.
– Ух ты! – удивилась книга. – Лечу! – и полетела, куда глаза глядят.

А третий глаз светофора устало смотрел на небо, пока два других отдыхали. Так делают все правильные существа. Нельзя бездарно использовать сразу все одинаковые органы. Сейчас третий глаз был зеленым.

А в небе плыл кит. Им управлял парень, рядом с которым сидела девушка с вернувшимися ногами.
– Тяжело управлять китом? – спросила она.
– Не тяжелее, чем автомобилем, – ответил он с улыбкой и подумал о том, какая симпатичная рыбка ему встретилась, к тому же совершенно случайно. И чтобы рыбка не выскользнула по дороге, парень направил свой транспорт в родное созвездие его транспорта – созвездие Кита, разумеется.

– Жара, – снова повторил светофор, принимая первоначальную форму. – Киты расплавались. Наверно, к дождю.

Земля – Орион – Минтака. Путешествие пятое (55-словники)

Фарш

Ирина Архипова

Воспитанность

Бабушка прокручивала фарш, пристроив мясорубку и блюдо на табуретке. Фред внимательно наблюдал, надеясь получить сахарную косточку. Звонок заставил хозяйку выйти из кухни. Вернувшись, она увидела облизывающегося Фреда, который невинно смотрел на неё. Пёс был воспитанным, никогда не таскал еду со стола. Но ведь табуретка – не стол! Поэтому совесть Фреда была абсолютно чиста. Как и блюдо.

Чистюля

Обед из свежего мясного фарша Фреду понравился. Бабушка, правда, почему-то стала ругаться. Наверное, он плохо вылизал блюдо. Фред оглянулся: блюдо было чистейшим. Может быть, морда осталась испачканной? Пёс посмотрел на хозяйку. Конечно! Как он сразу не догадался? Фред радостно подбежал к бабушке и потёрся мордой об её фартук. Ну как можно было на него сердиться?

Дежавю

Бабушка прокручивала фарш, пристроив мясорубку и блюдо на табуретке. Фред внимательно наблюдал, надеясь на повторение вчерашней удачи – обед из вкуснейшего фарша. Услышав звонок, Фред напрягся, готовый моментально вскочить, как только хозяйка выйдет из кухни. Но бабушка, выходя, и его вывела. Пёс был воспитанным, поэтому послушался. Совесть его была чиста. В отличие от блюда. И мыслей.

Фанатка
Олдшуз

Фанатка

Ближе она к нему подобраться не смогла. Поселилась по соседству. Правда, для этого ей пришлось принести себя в жертву и выйти замуж за его соседа-сварщика – жуткого матерщинника, скандалиста и пьяницу. Но что ей какие-то скандалы, побои и вечный свинарник в доме, если несколько раз на дню, она могла украдкой, через забор, наблюдать дачную жизнь гения.

Мученик

Хочешь погубить свою жизнь? Вот рецепт. Родись в деревне Руза, куда прут, как оглашенные, все композиторы, затем выучись в ПТУ на сварщика и женись на фифе с консерваторским образованием. Композиторы цельный день на пианинах – блям, блям, блям! Фифа – ах, ах, ах! А ты с крыльца на всю Рузу: – Мать вашу, моцарты-беспредельщики... Дайте хоть сдохнуть по-человечески!..

Гений

Эта тайна умрёт со мной. Маститый композитор, автор симфоний, концертов, сонат... а зависит от какого-то сварщика – алкаша и ругателя. Но что поделать, если в моей композиторской голове, единственно только соседская злая и циничная ругань задаёт ритм, создаёт рисунок и контекст будущей музыки? Аномалия... Стоп! Что он там опять на крыльце орёт? Надо записать: до-лбо-дя-тел... пи-пи-со-ид не-ого-ро-жен-ный...

Земля – Орион. Зимний конкурс миниатюр

Завируха

Ольга Альтовская

«Зима наступила», – думала Зоя, глядя в ночное окно. Ещё днём всё было по-осеннему серо и сыро. Шёл нудный мелкий дождь, добивая дороги, и казалось, конца не будет этой унылой тоске. Но к вечеру внезапно повалил снег и подул ветер. Закрутились, падая с неба, снежные хлопья. Сначала несмело, словно пробуя силу, потом сильнее, и наконец, как в каком-то бешеном танце, всё завертелось. Снегопад раздавал оплеухи направо и налево: слепил машины, белил крыши, налипал на провода и ветки деревьев, и за какие-то два часа всё вокруг преобразилось.

Время тянулось канителью. Сумерки густели, и в снежной суете на город опускалась ночь. Зоя стояла у окна и смотрела на улицу. Освещённые фонарём, пролетали снежные заряды, бились в оконное стекло и сползали по нему вниз. Из окна дуло. Девушка, поёжившись, отошла, накинула на голову белую пуховую шаль «паутинку» и снова подошла к окну, отодвинула в сторону герань и протёрла запотевшее стекло. Часы на стене пробили девять раз. «Бом-бом, бом-бом…», – лился в тишине их мягкий, округлый звон. Свет от торшера освещал застывшую в полудрёме комнату. Предметы, как в зеркале, отражались в чёрной глади окна.

«Чудес не бывает, – думала девушка. – После всего, что я ему наговорила, он не позвонит. Расстались навсегда». Она переживала ссору с другом и рассеянно смотрела на улицу сквозь своё отражение. И в какой-то момент ей показалось, что это не отражение, а она сама из зазеркалья, с улицы, снаружи смотрит на себя. Это ощущение длилось какой-то миг. Но по спине пробежал холодок. Зоя снова протёрла окно, словно стёрла это видение. И в окне опять отражение. Она снова, словно сквозь себя, смотрела на улицу и видела пролетающие под фонарём снежинки. Но заметила смутную женскую фигуру в белом платке. Какая-то женщина, показавшаяся Зое странно знакомой, прошла под фонарём и скрылась во тьме.

Завируха мела не переставая. Улица пустела. Народ, растворяясь в снежных завихрениях, постепенно рассасывался, и тёмные дома, когда в них загорались огни, словно просыпались, открывали глаза.

Колдовала зима, наметая сугробы… Зоя отошла от окна, улеглась на диван, взяла сказки Шварца и, завернувшись в плед, углубилась в чтение. От книжных чудес её отвлёк телефонный звонок. Звонила подруга.

– Ты почему не зашла? – голос Нины звучал обиженно. – Я чай поставила, а ты махнула мне рукой и пробежала мимо. Ну, думала, на обратном пути заскочишь. Где тебя носит в такую погоду?

– Сегодня я никуда не выходила. Ты ошиблась… Я дома. Лежу – читаю…

– Всё мне голову морочишь! Слушать не хочу! Ошиблась!... Не выходила! Я что, слепая, тебя не узнать? Чё врать-то?.. Признайся, к Сашке бегала? Точно, к Сашке! Куда ещё по такой погоде?... Ладно, я не обижаюсь. Завтра приходи, расскажешь, как там у вас было… Знала, что всё исправишь…

Исправишь!... Легко сказать…Зоя не стала спорить и доказывать. Согласившись, отключилась.

Уже неделя прошла с тех пор, как они с Сашкой поссорились. Так глупо вышло! Собрались пойти в театр, она, «как дура», нарядилась, а он забыл купить билеты! Говорит, на работе аврал, не до того было… Девушка, не разобравшись, вспылила: у него аврал, а у неё вечер испорчен.

«Пора мириться, – подумала Зоя. Но первой, решила, ни за что не позвонит. – Ещё подумает, что я за ним бегаю… А как хочется увидеть его, просто сил нет!..» Зоя страдала, а снег за окном будто нашёптывал:

– Простить! Пора простить… – И тут опять раздался звонок.

– Это я! Привет! … – услышала Зоя в телефоне Сашкин голос. – Ты куда пропала? Стукнула в окошко, глянул, обрадовался – ты пришла. Пошёл дверь открывать, а тебя нет! Что за шутки?

«Чудеса! Это была не я! – подумала Зоя. Она быстро соображала. – Как Сашка мог ошибиться? Ему что, тоже привиделось? Если скажу, что это была не я, то кто? Главное – не зашла… Значит, можно переиграть. Придумай что-нибудь!»

– Прости! Ну пожалуйста!..– стала она сочинять на ходу. На углу встретила Валю с Гошкой, и они меня затащили к себе… Не обижайся, пожалуйста. Не смогла им отказать – у них сегодня годовщина свадьбы… Хочешь, приезжай сейчас ко мне. Я уже дома. Не обиделся?..

– Всё хорошо! Еду, лечу! – радостный Сашкин голос вселял надежду, что всё у них наладится.

«Будет свидание!» – Предвкушая встречу, Зоя быстро убрала плед, подошла к зеркалу, поправила причёску, подкрасила губы, улыбнулась своему отражению, включила телевизор и пошла на кухню – ставить чайник.

Хорошо, что она с утра испекла кекс! И вот уже Зоя весело хлопочет у стола, а из «ящика» несётся любимое и забытое:

Завируха-метель, завируха…

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурс психологических рассказов

Мой маленький друг

Джон Маверик

Он сидит на подоконнике, похожий на сгусток тумана. Мудрый и загадочный Чешир. Его глаза – две зеленые звезды, отраженные в оконном стекле. Лунная шерсть струится сквозь пальцы, почти неощутимая, прохладная и шелковистая. Кот довольно мурлычет и легонько трется головой о мою ладонь. Мы чувствуем друг друга с полувзгляда, с полуприкосновения.

Как хорошо, что дочка меня не послушалась! В пустой квартире, окруженный призраками прошлого, я бы сошел с ума от одиночества. В моей спальне до сих пор живут зловещие безделушки-куколки покойной жены, и рука не поднимается их выбросить. А на стенах развешаны дочкины рисунки. Пучеглазые чудовища – герои каких-то мультфильмов. Ночами они пугают меня. Но стоит под кроватью завозиться Чеширу, и кошмары тают, как снег в пригоршне. Ступая мягкими лапами, словно обутыми в меховые сапожки, кот выходит на середину комнаты, хрустит сухим кормом и лакает воду из миски. А я лежу, улыбаясь в темноте. Знаю, что стоит задремать, и Чешир придет ко мне под бочок и, прижавшись уютно сквозь одеяло, запоет свою кошачью песенку, и тогда ни одна злая куколка, ни одно мультяшное чудище не вторгнутся больше в мой сон. Мы оба будем мирно спать до утра, согревая друг друга и защищая от всех напастей. Такая у нас дружба.

Он уже стар, мой маленький друг. Да и я не молод. Мы, как двое любопытных детей, заглядываем в окошко вечности. Что там, за последней чертой, которую вот-вот переступим? И кажется, совсем недавно моя девятилетняя дочь Мартина принесла его с улицы, крошечного, мокрого, всего как будто скрюченного от холода. Шел дождь и дул ветер, такой сильный, что деревья рвались в полет вместе с листьями. Ранний ноябрь. Хрупкая грань осени и зимы. Без помощи человека котенок бы, конечно, не выжил.

Как Мартина за него просила!

– Папа! Пожалуйста! Давай его оставим! Он маленький, погибнет без нас. Пожалуйста! Папа!

Она ревела, будто малое дитя, и, заходясь в истерике, топала ногами. Даже Алиса, моя жена, царство ей небесное, хоть и не любила кошек, но, жалея дочку, умоляла взять малыша. Напрасно. Уверенный, что детским капризам нельзя потакать, я затворил свое сердце и запер на три замка.

– Отнеси, где взяла. И немедленно! – прозвучал мой приговор, а от своих слов я не отступал никогда.

Казалось бы, поздний ребенок. Сам Бог велел обожать и баловать, как принцессу. Но что-то не срослось. Не тянулась к любви душа. Сейчас тянется – но поздно. Хоть и звонит Мартина каждую неделю, интересуется, спрашивает о здоровье, предлагает помощь... но в ее голосе звенят льдинки.

Ежусь от внутреннего холода, но исправить, увы, ничего не могу. В тот дождливый ноябрьский вечер что-то между нами сломалось безвозвратно.
Плача, Мартина ушла с котенком на руках. Через полчаса вернулась, вымокшая до нитки и дрожащая, и заперлась в своей комнате. Три дня она со мной не разговаривала, а потом я стал замечать котика у нас дома – то лежащим на подоконнике, то на диване. То за шкаф шмыгнет, то шебуршит газетами в кладовке.
Он был абсолютно белым, настолько белым, что на белом свету становился невидимым, рассыпаясь в солнечную пыль. Только в сумерки его удавалось рассмотреть как следует – грациозного пушистика с яркими изумрудными глазами.
Я прозвал его Чеширом за умение исчезать и появляться, словно из воздуха. А какое имя дала ему Мартина, не знаю до сих пор. Да и так ли это важно? Имя – по сути пустой звук, а мы с моим маленьким Чеширом давно понимаем друг друга без слов.
Котик оказался тихим, не устраивал по ночам концертов, не царапал мебель и не путался под ногами. Он совсем никому не мешал. И если поначалу я собирался настоять на своем, то потом смирился и даже рад был невинному дочкиному обману. Как мудро иногда поступают дети. Сама того не сознавая, Мартина принесла в наш дом счастье. Погружая пальцы в мягкую кошачью шерсть, я чувствовал, что и сам становлюсь мягче, добрее. Мы с женой даже ссориться перестали. Не то чтобы сблизились, но вели себя деликатнее и тише. Как наш любимый Чешир.

Нередко он приходил ко мне в постель и ложился рядом, неотличимый от белизны одеяла, грел больное плечо и баюкал тихим мурлыканьем. Я засыпал, словно под крылом у ангела и просыпался обновленным. После смерти Алисы он стал приходить каждую ночь.
От воспоминаний меня отвлекает звонок Мартины. «Поздновато ты сегодня, дочка», – думаю, рассеянно вглядываясь в темноту за окном. Хотя что тут удивляться – осень. Не успеешь пообедать – и ночь на дворе. Ненавижу смотреть на часы.
– Привет, папа, – бодро начинает Мартина, и вот уже посыпались дежурные вопросы – про здоровье, давление, врачей.
– Да все в порядке, – отмахиваюсь. – Старые мы стали. И здоровье по возрасту.
– Мы – это кто? – настороженно интересуется дочь.
– Я и Чешир.
Странное ощущение, когда в трубке потрескивает тишина.
– Кто такой Чешир? – спрашивает, наконец, Мартина.
– Ну кот же, – мне отчего-то делается неловко, как будто ненароком выболтал стыдную тайну.
– Папа, ты завел кота? – холодно изумляется Мартина.

– Да нет. Ты что, забыла? Чешир – тот самый котенок, которого ты притащила в детстве, а я сказал его выкинуть. Помнишь? Ты потом принесла его назад, тайком. И хорошо сделала. Теперь я понимаю, что хорошо.

Дочь коротко, со всхлипом вздыхает, и я представляю себе, как она поджимает губы. Возможно, комкает в руке платок или край скатерти, или чертит пальцем по столу замысловатые узоры.

– Я сделала, как ты велел, – говорит она чужим голосом. – Я не приносила котенка назад.

«Неправда», – хочется закричать мне, но я уже вижу, что его зеленые глаза – отражения уличных фонарей, а тело – клубящийся лунный свет. Его роскошный белый хвост разметался дождинками по стеклу. Мой маленький друг растаял, навсегда оставшись в том холодном ноябре. А я сижу один в пустой квартире, зная, что впереди долгая ночь и никто не заговорит мои кошмары.

Я смотрю на его миску с крупинками сухого корма, недоумевая, кто ел из нее? Кто шуршит по ночам у меня под кроватью? Может быть, мыши? Да, наверное. В моем доме поселились мыши. Почему бы и нет? Ведь у меня никогда не было кошки. Я твержу эту фразу снова и снова. Она горчит на губах. Горько-соленая, с привкусом слез. Она звучит как «жизнь прожита напрасно». Или «меня никто никогда не любил». Нет, не так. Это я никого никогда не любил.

Повторяю опять и опять. Слово за словом приучаю себя к этой новой боли. У меня. Никогда. Не было. Кошки.

3 часа из моей жизни
Aleker

– Ваш заказ принят. Спасибо, что обратились в наше бюро добрых услуг...

На улице настоящая русская зима: минус 25 градусов, снег падает за воротник и морозный ветер пытается посильнее ущипнуть за нос. Я иду знакомым маршрутом, по которому не ходил уже очень давно. Вот дом, где я жил долгие годы и который пришлось так внезапно оставить. Митька тогда был ещё совсем маленький...

Я поднимаюсь на лифте на восьмой этаж, вынимаю из большой сумки длинный красный тулуп, цепляю себе бороду, приклеиваю густые белые брови, напяливаю красную шапку с мехом, и только тогда звоню в дверь. Из-за двери доносится детский голос:
– Папа, кто это?
– Не знаю, – отвечает ему незнакомый мне баритон, – сейчас посмотрим.
Дверь отворяется, и на пороге я вижу высокого плечистого мужчину, а из-за его спины боязливо выглядывает детская мордочка. Я набираю в грудь побольше воздуха и выдаю:

– Хорошенько посмотрите –
Перед вами дед Мороз.
И для мальчика, для Мити
Я подарочек принёс!

и достаю из сумки красивую коробку с машиной на дистанционном управлении. Митькины глаза просто засверкали от счастья.
– Ой, как здорово, – хлопает он в ладошки, – я давно такую хотел!
Мужчина улыбается ему, потом подмигивает мне. А я продолжаю, обращаясь к мальчику:
– А ты приготовил подарок для дедушки Мороза?
– Конечно, – отвечает он, хватает меня за руку и тащит за собой в квартиру.
А здесь совсем ничего не изменилось… Разве что обои другие…

Мужчина чуть придерживает меня за рукав:
– Вы извините, – говорит он, – мне нужно ещё кое-что срочно сделать по работе. Короче, если что, я буду здесь. – И он указывает на дверь, за которой – я точно знаю – был кабинет.
– Не волнуйтесь, – успокаиваю его я, – всё в порядке.

А Митька ведёт меня за руку к себе в комнату, усаживает на стул, а сам становится передо мной и начинает читать стихотворение. Вернее, это песенка, но у него получается скорее скороговорка.

В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла...

Я слушаю вполуха, а сам разглядываю его. Митьке через два месяца будет 7 лет. У него черты лица матери, и носик он морщит точно так же, как она. Но глаза... глаза у него мои.

Трусишка зайка серенький...

Всякое бывает в жизни. Вот и у меня так вышло, что мне пришлось оставить семью. Правильное ли это было решение? Кто знает…

Теперь она нарядная...

Митька очень старается прочитать красиво, волнуется, тянет себя за подол рубашки. и вот, наконец, его мучения вознаграждены. Стишок «отмучен» и можно забирать подарок. Я сажаю его себе на колени и наблюдаю, как он в нетерпении рвёт коробку и достаёт новую игрушку. От Митькиных волос исходит такой родной и приятный аромат. Я глажу его по голове и тихонько целую в макушку. Увлечённый машинкой, он не замечает этого. А потом мы играем: и крепость из кубиков строим, и в солдатики.
Для меня время словно остановилось. Смотрю на Митьку, оторваться не могу.

Резкий звонок приводит меня в чувства.

– Мамочка, посмотри, что мне дед Мороз подарил, – кричит Митька, и бежит в прихожую.
Только этого мне не хватало! Пытаюсь как-то изменить своё лицо. Мне кажется, что даже под бородой это не удаётся. Авось она не узнает. Выхожу за мальчиком в прихожую.
Узнала... Только в глаза посмотрела, и сразу узнала...

– Отдохнул Мороз немножко,
Вновь пора ему в дорожку.
Коль Мороза будешь ждать –
Я приду к тебе опять.

Пытаюсь я исправить ситуацию.

А ОНА стоит в прихожей, не зная, что сказать. А Митька обнимает меня крепко за шею и шепчет:
– Приходи ещё... ну, пожалуйста...

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс афоризмов

Афоризм – побочный сын сестры таланта.
Сергей Кодес

Клубень – парень, завсегдатай клуба.
Александр

Поэзия – способ дышать, когда совсем невмоготу.
Алексей Лис

Жизнь это сейчас между никогда.
AlexV

Образ – одомашненный дикобраз.
Сергей Кодес

Муха – насекомое, под которым весело.
GP

Рифма – мама рифа.
Алекс

Земля – Созвездие Жирафа. Конкурс детских рассказов

Письмо

Милана Секоненко

Ванька давно лежал на кровати, удобно заложив руки за голову, а ноги закинув одна на другую, и не знал, чем бы заняться.

С утра он, пожаловавшись на колики в животе, головную боль и саднящее горло, выторговал у опаздывающей на работу матери разрешение остаться дома. Потом, охая и покашливая, протопал на кухню, где сел завтракать. Он слышал, как мать в передней давала наставления старшему сыну насчет витаминов и ополаскивания горла. Уже с порога мама крикнула Ванечке, что обед в холодильнике, что позвонит ему, и чтобы он, если что, звонил ей сразу.

Ванька основательно и вкусно поел, положил добавки каши, сделал еще один бутерброд, выпил большую кружку теплого какао, сложил посуду в раковину и вытер за собой стол. Затем он подошел к окну и стал разглядывать спешащих в школу учеников. Вот бежит по тропинке вдоль детского садика друг Колька из их четвертого класса, чуть дальше дорогу переходит Ленка из параллельного, а вон подошли к школе двойняшки из восьмого класса, в котором учится старший брат.

Ванька прислушался к тишине в квартире. Чего-то Боря не торопился уходить. Ваня вышел из кухни и в прихожей столкнулся с братом, который как-то хитро на него посмотрел. Борис напомнил про витамин С и растворенную таблетку фурацилина для полоскания горла, в сторону которых на кухне младший брат пока даже не взглянул. Ванька согласно мотнул головой, постоял терпеливо, наблюдая, как старший брат обувается, надевает куртку, обматывает шарфом горло, натягивает шапку. Ваня любезно поднял рюкзак и протянул Боре. Тот широко улыбнулся, чему-то усмехнулся, забрал рюкзак, кивнул младшему и исчез за дверью.

Прозвучали повороты ключа в замке и удаляющиеся по направлению к лифту шаги. Ванька повернулся в сторону кухни, в развалочку прошагал к окну, подождал, пока из подъезда выйдет и помашет ему брат, но не стал провожать глазами его до школы, развернулся и почти вприпрыжку поскакал в комнату, решив, что витамин С подождет, а об ополаскивании горла позабыв.

В комнате он сразу поспешил к компьютеру Бориса. Включил, сел поудобнее в кресле. Экран зажегся, Ванька протянул руку за мышкой, но ее... не было. Соскочив с кресла, горемыка поискал мышку на столе, под столом, на полках, зачем-то полез в шкаф, потом, не найдя и там, подставил стул и поискал на

шкафу. Мышки не было нигде! Тут он сообразил, почему вид у брата был таким насмешливым. Выторгованный день пропадал полностью. Брат вернется домой под вечер: после учебы у него спортивные занятия.

Разочарование было огромным. Ванька несколько раз ударил по постели брата кулаком, потом в три прыжка добрался до своей кровати, не сняв тапочки, ухнул с размаху на покрывало и в тоске зарылся лицом в подушку. Лежать было неудобно и скучно. Тут Ванька, о чем-то вспомнив, поднялся с постели и проковылял к своему столу. Решив провести время в играх, он включил смартфон, но тот почему-то потребовал ввести пароль. Краем глаза мальчик увидел заботливую записку, в которой аккуратным почерком было выведено: «Маме звони по городскому. Если что, мне тоже. Отдыхай! Выздоравливай! Боря». Рядом с подписью, издевательски прищурив один глаз, лыбился веселый смайлик. Тут Ванька, наконец, осознал коварный план старшего брата. Такого еще в их отношениях не было. Правда, и младший в первый раз прогуливал уроки.

Учиться Ваньке нравилось. К тому же в семье был уговор: если за неделю не получено троек, в выходные можно сидеть в компьютере «от пуза», при условии, что домашние задания выполнены, компьютер старшему не нужен, а родителям по первой их просьбе помощь по дому оказана. Борис, как правило, много занимался по выходным спортом, поэтому делить с братом компьютер особо не приходилось. Ванька бы пошел с радостью в школу, но как раз в прошлые выходные он не написал сочинение по литературе. Заданием было: придумать письмо от себя кому-нибудь из родственников. А сегодня, в пятницу, был назначен последний день сдачи.

Ванька с мокрыми глазами опустился на стул. Сначала он стал думать, как отомстить брату: расшвырять его вещи, тоже спрятать что-то ценное. Но быстро одумался, понимая, что ему же самому и придется все обратно раскладывать по местам, а потом еще и с отцом серьезного разговора не миновать. Ванька протянул руку к любимому роботу, на дистанционном управлении погонял его по полу и заскучал. Пошел на кухню, съел витаминку, зачем-то прополоскал не болящее горло, посмотрел в окно, а потом на часы. Еще не было десяти. Тут по городскому позвонила мама. Ванька искренне грустным голосом поговорил с ней, заверив, что чувствует себя неплохо и обязательно поест и поспит.

Вернувшись в комнату, лег на кровать, незаметно для себя заснул, а когда проснулся, на часах было лишь двенадцать. Он лежал, лежал и думал, с кем сегодня на переменках друг Колька проводит время. Как там Марьиванна, звонила ли маме, чтобы узнать, почему его нет в школе.

Провалявшись с час, Ванька вдруг, неожиданно для себя, вскочил, подошел к столу и сел за работу, выбрав адресатом Борю. Он снял с полки принесенный мамой неделю назад из своей комнаты потрепанный пятый том старинного, двадцатого века, собрания сочинений А. П. Чехова. Открыл его на заложенной странице, и перед тем, как начать писать, стал заново читать рассказ, начинающийся словами: «Ванька Жуков, девятилетний мальчик...».

Ночная сказка
Aleker

Антошке не спалось. Он ворочался с боку на бок, то укрываясь с головой одеялом, то наоборот, задирая ноги к потолку – «дядя Сон» никак не приходил. Я присел у его кровати.

– Ты чего не спишь? – шёпотом спросил я.
– Пап, а расскажи мне сказку, – попросил Антон.

Я задумался... Сказку... старые сказки давно приелись, а некоторые я даже не помню чем заканчиваются.

– А давай придумаем сказку вместе, – предложил я.
– Это как? – не понял малыш.
– Очень просто: я начинаю – ты продолжаешь. Попробуем?
Где-то далеко-далеко на севере, где такое красивое северное сияние, что пингвины и белые медведи со всего полюса приходят сюда, чтобы полюбоваться им, стоял терем. Когда он там появился никто не знал. Все были уверены, что терем тут был всегда. А жил в нём...

Я нарочно сделал паузу, как бы думая, кто же там мог жить, и Антошка за меня продолжил:

– Жил там Дед Мороз со своей кошкой.

Я слегка удивился:

– Не с внучкой?
– Нет, – отвечал малыш, – Внучка в городе и только на Новый год приезжает. А так он там только с кошкой жил. – И после паузы добавил: – И с котятами.
– Кормил их печеньем, оставшимся с праздника, наливал в мисочку глинтвейна?
– Нет, – отвечал Антошка, – Он кормил их снежинками.
– Какие снежинки? – спросил я.
– Конечно, снежные! Котята так любят их!
– Ну хорошо, – согласился я, – А что было дальше?
– А у Деда Мороза был день рождения. И у него были гости...

Я задумался: а ведь действительно, когда у него день рождения? Летом? И что он вообще делает весь год, наш Дед Мороз?

– И прилетел к нему волшебник в голубом вертолёте? – пропел я.

Антошка хихикнул.

– Пап, ну пусть будет так. И стал он ему фокусы разные показывать. А потом подарил эскимо...
– Погоди, – сказал я, – Там же холодно, на Северном полюсе. Зачем ему ещё мороженое?
– А чтобы не растаять, – ответил Антон.
– Давай лучше так. Волшебник достал из рукава настоящий музыкальный инструмент и сказал Деду Морозу: «Возьми аккордеон, и сыграй мне на гармошке».

В темноте лицо Антошки было плохо видно, но я чувствовал, что мой сынок улыбается. Что ему просто необходим этот наш ночной разговор, наша глупая сказка, чтобы просто быть сейчас вместе. Мы ещё болтали о всякой всячине, а потом я заснул, обняв своего малыша, вдыхая запах его волос. И снился мне Дед Мороз, кормящий котят снежинками...

Алонзо и солнце
Гелия Алексеева

Нам открылись иные миры.
Только б мы их пределов достичь не смогли,
Если б сердцем не слышали голос вдали...
Долетайте до самого Солнца
И домой возвращайтесь скорей!
Евгений Долматовский.

Азонзо смотрел на картинку – яркое голубое небо с длинными облаками, неострые пики гор, такие же, как небо, голубые озёра. На тонких стержнях вертелись завёрнутые в спирали шапки сладкой ваты разных цветов, а зелёный луг был сплошь засыпан апельсинами. Мальчик представил, как он идёт по этому лугу, стараясь не наступить на оранжевые шарики и смотрит, какой из них самый сладкий. Запах апельсинов наполнил комнату.

Алонзо был сильно болен. Он получил родовую травму ног и до года мама постоянно надевала ему специальную фиксирующую повязку. Мальчику исполнилось восемь лет, но он не мог, как другие дети бегать по улицам и лазить по деревьям. По дому передвигался, мог самостоятельно садиться за стол и на кровать, но не спеша.

Доктор говорил – подрастёт и болезнь оставит его. Врач был верующий человек, он регулярно посещал ребёнка, успокаивал мать и говорил, что мальчик очень одарённый, поэтому высшими силами ему созданы такие условия, чтобы его талант раскрылся. Когда он станет взрослым, сам решит, кем ему стать – реализовать свой талант или нет. Может быть выберет обычную профессию и добьётся успехов.

Мама вывозила мальчика на улицу в коляске. Но не отходя далеко от неё, мальчик играл на площадке и с завистью смотрел на других детей, которые резвились там.

В школу Алонзо не ходил. Днём приходил учитель, который обучал его по школьной программе. Кроме уроков, остальное время было свободно, но мальчик не скучал и не чувствовал себя одиноким, он был занят целый день.

Мальчик видел мир, будто смотрел в калейдоскоп и подобно рассыпающимся новым и новым узорам, планы рождались в его головке. Он видел во сне новые путешествия – страны, моря и океаны, разных зверей, высокие небоскрёбы.

Просыпаясь утром, Алонзо уже знал, что хочет сделать и спешил осуществить свои задумки.

Утром мама ласково гладила сына по светлым волосам и спрашивала, что ему в эту ночь приснилось. Потом она за руку вела его умываться и завтракать. Вскоре приходил учитель и обучал мальчика разным наукам. После занятий ребёнок медленно шёл к окну, чтобы посмотреть, что изменилось на его улице. По лесенке он забирался на подоконник и в большой бинокль, подаренный папой, смотрел вдаль и представлял там море, где плывут большие белые корабли, грузовые баржи и лёгкие парусники. В эти моменты Алонзо чувствовал себя капитаном дальнего плавания и посматривал на приборы, которые сделал сам. Мальчик определял направление ветра, температуру воздуха, атмосферное давление и выверял курс корабля. Когда уже был уверен, что корабль прибыл по назначению, он спускался по лесенке и рассказывал маме о своем путешествии.

Множество игрушек, подаренных бабушкой и папой, как и другим детям, быстро ему надоедали. Зато фигурки животных, зверей, птиц, маленькие куколки, как сказочные герои оживали в его руках. У каждой такой игрушки было имя и свои обязанности. Его маленькие герои путешествовали и возвращаясь, рассказывали ему о дальних странах. Придуманный мальчиком прекрасный и насыщенный событиями мир превращался в настоящий. Вместе со своими игрушечными друзьями Алонзо добирался до жаркой Африки и охотился на леопардов, катался на оленях на Севере, мчался на собачьей упряжке, доставляя лекарства больным детям, взбирался на горы, нырял в море и плавал среди коралловых рифов.

По карте Алонзо намечал маршруты, учитывая возможные опасности. А когда ему не хватало путешественников, которых надо было посылать во все края огромного мира, он лепил их из пластилина, глины. Мама наблюдала за его играми, стараясь быть незаметной и говорила, что сама уже верит в фантазии Алонзо. Но мальчик только удивлялся, что его страну называют фантазией, выдумкой. Ведь он, в самом деле, жил там – бродил по тропическому лесу, вдыхал аромат цветов, разговаривал с обезьянами, смотрел на тигров, чувствовал зной саванны, прятался от ливня в лесу.

Близился день рождения Алонзо и мама, посоветовавшись с отцом, решила пригласить в дом детей. Целую неделю шла подготовка. Комната была украшена картинками из мультфильмов, воздушными шарами и бумажными фигурками героев сказок. А когда пришли дети, начался настоящий праздник, устроенный аниматорами. Всем детям были надеты баллоны с кислородом и топливом, созданные из пластиковых бутылок. В центре комнаты соорудили большой космический корабль. У каждого космонавта было своё задание. По

команде старшего аниматора началось настоящее космическое путешествие. Звездолёт облетел всю солнечную систему и благополучно вернулся в комнату Алонзо, где мама уже приготовила для детей сладости.

Именинник целую неделю был под впечатлением от полета и не снимал со спины баллоны. Даже спал с ними. Ему снились звёзды и яркое горячее солнце.

После завтрака утром мальчик стал снова рассматривать картинку на экране монитора. Он представлял, как апельсин стал расти и превратился в огромный оранжевый шар, похожий на солнце. Вот если бы добраться до него! Вскоре пришёл учитель и Алонзо отвлёкся от своих мыслей, но вечером, засыпая, мальчик видел множество оранжевых огоньков, которые собирались в большой горячий шар.

Утром Алонзо проснулся очень рано. Свет только начал проникать сквозь полупрозрачные шторы и у мальчика созрел план. Ему необходимо было добраться до солнца. Для этого нужно сконструировать ракету. Мальчик принялся за дело. Постепенно вся его комната стала превращаться в площадку для полётов. Мальчик представлял, что он советуется с первоклассными специалистами, о которых читал в книгах. Ракету он видел на картинках – длинную, в серебристой оболочке с кабиной космонавта, приборами, запасом воды и топлива. Пришлось повозиться не один день. Инженеры тщательно контролировали его работу, не принимали, и нужно было исправлять недостатки по их советам. Наконец, самый главный конструктор дал разрешение к запуску ракеты.

Когда вечером в его комнату вошла мама пожелать ему хорошего сна, он не удержался и сказал, что готов полететь на солнце и привезти оттуда маленький огонёк. Мама улыбнулась и пожелала ему хорошего сна и удачного полёта.

Старт ракеты состоялся рано утром, когда солнце ещё спало. Алонзо забрался в каюту космонавта и посмотрел на приборы. Ярко мигали лампочки, спокойно светились экраны радаров, блестели приборы. Командный пост ответил, что всё готово к взлету. Космическая ракета успешно стартовала с заданным ускорением. оставляя внизу пламенный шлейф. Мощно и стремительно ракета понеслась среди чёрной пустоты и мелькающих вдали звёзд, а впереди было солнце. Он уверенно поворачивал ручки приборов, внимательно следил за показаниями, держал связь с главным конструктором. Яркое и слепящее глаза солнце было уже совсем близко, совсем рядом и мальчик открыл шлюз и языки жёлтого бушующего пламени ворвались в него. Алонзо изменил команды на пульте управления, люк закрылся, ракета повернула назад и успешно приземлилась в заданном районе

Мальчик выбрался из каюты и спустился на землю и Алонзо ощутил себя в своей комнате. Он осторожно отсоединил грузовой люк – это была гладкая вазочка из тёмного стекла, и поставил на пол. Вечером к сыну в комнату вошла мама, пожелала спокойной ночи и погасила лампу. Но что-то её беспокоило, и она чуть позже снова пришла. Мальчик крепко спал и, наверное, видел сны. Она заметила, что в комнате непривычно светло. Она увидела вазочку и сняла крышку под тёмной салфеткой. Комнату озарил тоненький и яркий солнечный луч. На самом дне вазочки, как маленький огонёк, горело солнышко. Женщина погладила сына по головке и подумала, что любовь и ожидание чуда передалось ей от маленького мечтателя и она стала видеть окружающий мир его глазами и чувствовать так, как он. И теперь её уверенность в выздоровлении сына окрепла.

Земля – Созвездие Мухи. Конкурс абсурдизмов

Страдательное причастие и повелительное наклонение – теперь муж и жена!
Сергей Че

Вы так забористо краснели, что захотелось перелезть.
АлеХ

Стреляли в молоко, но оно убежало.
Елена Картунова

И стал старик кликать золотую рыбку... На третьем клике клавиша залипла.
Вера Рехтер

Мы поделили пополам. Мне повезло – досталось «лам».
Алексей Лис

Деловая колбаса объявила независимость от мясокомбината.
Marina_Khlystova

Цветное утро – 2

Ирина Архипова

Молочно-серое утро сменялось белёсым серым днём, который плавно перетекал в бархатный тёмно-серый вечер, а затем медленно уползал в безликую чёрную ночь. На следующий день всё повторялось. Декорации были до мелочей прорисованы умелым художником и менялись строго по сценарию.

Изредка и очень ненадолго на её небосводе проглядывало белое солнце – когда в трубке раздавался далёкий голос дочери с новым, непривычным для слуха акцентом. Та ли это малышка, которая когда-то быстро и невнятно что-то лопотала, показывая ей свою любимую игрушку – смешного розового плюшевого зайца? Розовый заяц...

Она помнила тот день, когда купила его, этого смешного ушастика. Стояла поздняя осень. С раннего утра зарядил мелкий холодный дождь, и неказистый вид из окна стал ещё более унылым. Она долго уговаривала себя пойти в магазин за продуктами. Мама, тогда ещё полная сил, и трёхлетняя дочка забрались под тёплый плед, разглядывая книжки с картинками. И ей очень не хотелось выходить из уютного домашнего тепла.

Свежего хлеба в ближнем магазине не оказалось, пришлось идти в дальний супермаркет. Розовый заяц сидел в витрине и внимательно смотрел на неё весёлыми глазами-пуговками. Он был таким радостно-ярким на фоне дождливого серого дня, так загадочно улыбался, что она не удержалась и купила это пушистое розовое чудо. Она прижимала его к себе, с трудом удерживая ставший лишним зонт и забыв про непогоду. А сколько радости было у дочки, описать словами невозможно!

Много лет заяц был членом семьи – ел, гулял и спал вместе с дочкой, следил за тем, как она делает уроки, ждал её из института. А потом дочка улетела за океан, оставив своего любимца. «Зайку бросила хозяйка...». Некоторое время спустя она убрала зайца на антресоли. Смотреть на него было больно, а выбросить рука не поднималась.

С тех пор прошло несколько лет, десятилетий или, может быть, веков... После ухода мамы мир потерял последние неяркие краски. Серая одинокая жизнь стала привычной. Редкое солнце не грело, а лишь слегка освещало сцену.

Сегодня было особенно грустно. Она наугад достала один из семейных альбомов. Родные лица, улыбки – она, мама, дочка и серый заяц – её некогда разноцветный, радостный, любимый мир в отражении чёрно-белых снимков. Неужели её жизнь всегда была серой и только казалась цветной? А заяц? Она отложила альбом и пошла за стремянкой. Ей непременно нужно было убедиться в том, что заяц был розовым.

Примятая, до боли знакомая на ощупь розовая шкурка, перепачканная мордочка и весёлые глаза. Он смотрел на неё точно так же, как в тот далёкий осенний день, когда она увидела его в витрине. Она обняла любимого ушастика и впервые за долгое время заплакала.

Засыпая в обнимку с зайцем, она думала о том, что завтра её ожидает цветное утро. Розовое.

Хроники Марса. Вторая дуэль

Чужой
Pawlowna

Лес по обе стороны реки стоял лёгкий, светлый, промытый быстрым дождиком.
Остро пахло травами. Солнышко уже начало утекать за горизонт, но времени было достаточно, чтобы успеть дойти до знакомого места, где Кузьма всегда делал привал, когда ходил на болото, за травами. Поэтому он шёл спокойно, слушая лесные шорохи, пение птиц, замечая редкое шевеление в траве, а то и колыхание ветки – лесной народ жил привычной жизнью.
Тропа сделала зигзаг и дальше побежала прямо, почти по берегу речки. Тут-то Кузьма их и увидел –
бабку Агнешу и внука её, Фотия. Фотий всё вперёд забегал, что-то спрашивал, бабка шла не очень споро, ноги у неё болели, с батожком давно уже ходила. Кузьма усмехнулся сам себе, рад был, что попутчики объявились из своей деревни, что тоже к болоту направлялись, и прибавил шагу. Агнеша как будто услышала что, или почуяла, обернулась, посмотрела долго-долго, что-то внуку сказала, придержала, остановились оба, ожидая.
– Ну, поздорову вам, Агнеша и Фотий, – поприветствовал Кузьма.

– И тебе здравствовать, Кузьма, – отозвалась Агнеша, а Фотий кивнул головой и заулыбался.
Пока шли к месту привала, стало сумеречно, в том месте, где стекало за окоём солнце, горела маленькая звёздочка, а над кромкой леса, за рекой, повисла Луна, приплюснутая с одного бока.
Костёр не разжигали, в лесу свет огня не очень-то увидишь, а запах дыма издалека учуять можно.
Лес – это лес, не зверюшек тут страшишься, а вот люди разные случаются, лучше поберечься. Устроились на ночлег, сторожить первым назначили Фотия, но Кузьма дремал вполглаза, да и Агнеша, слышно было, не спала, всё что-то вздыхала.
Вдруг Фотий сел рядом и зашептал: – Дедко, дедко, глянь-ко…
Кузьма открыл глаза. С той стороны реки по воде бежала светящаяся дорожка, и прямо к ним по этой дорожке шёл кто-то, невысокий, тонкий и тёмный. Кузьма тронул руку Агнеши.
– За руки возьмитесь, – прошептала Агнеша,– думайте каждый про себя, что вы – вот этот куст.
Тёмная фигура на миг застыла, ноги у неё стали проваливаться в воду, и она снова двинулась вперёд.
Кузьма сидел, держа одной рукой ладошку мальца, другой ладонь Агнеши, и тосковал. Кроме ножа, оружия у него не было никакого. Да и что тут оружием сделаешь. Ни копьём, ни стрелой никого не защитить.

Словно сгусток тьмы ступил на их берег. Застыл.
Агнеша собирала силы. Сначала поселила у себя внутри, мысленно, маленькую каплю огня. Потом стала эту каплю понемногу увеличивать.
Очень давно её учила прабабка, что тёмную нечисть только тем огнём можно погубить, который ты в себе создать сможешь. И научила – как. Иногда Агнеша на болоте, где траву лекарственную собирала,
этот огонёк выращивала. Сил на него уходило много. Потом приходилось долго сидеть, отдыхать. Но никогда она не делала последнего – ни на кого огонь не выплёскивала. Если было нужно, отвод сплетала, или страх напускала. Это-то у неё легко получалось.

Кузьма и не старался вообразить, что он – куст. Знал, не получится. Понимал, что Агнеша попытается напустить морок на страшную тень, которая снова начала движение к ним.
А Фотий тихо сидел, закрыв глаза и видел, какие у него тонкие ветки и красивые листочки.
Сгусток тьмы стоял рядом. Не было у него глаз, но он их чувствовал.. Он их учуял давно, очень далеко, и вот нашёл.

Агнеша напряглась, и, будто сдвигая огромную горящую гору, изо всех внутренних сил толкнула огненный шар на тень. И тень вспыхнула. А внутри Фотия загорелись в огне листья и прутики его куста.

Кузьма уже поднимался, но Агнеша властно сказала : – Посиди пока.
Голос у неё был тихий, спокойный. Но звучал, словно издалека. Словно она уходила.
Фотий посмотрел на бабушку, на Кузьму, на догорающую кучку неизвестно чего и спросил:
– Ба, а что это было?
Агнеша помолчала, потом ответила:
– Вампир. Энергию из живого тянет. Тем и живёт. Посидела ещё молча и добавила:
– Далеко за лесом, на другом берегу реки, есть поле, на котором ничто не растёт.
Давным-давно там бились друг против друга два войска. Никто уже не помнит, чьи это были войска.
И все погибли. Теперь там только красно-рыжий песок.
Но иногда по этим пескам идут люди, переселенцы, беженцы, торговцы. Народ всякий-разный, некоторые из них пропадают.
А в нашем мире появляются вампиры. Ищут таких, как мы с вами. В нас энергии много. Они её издалек чуют...
Кузьма, Фотия не бросай. У него дар есть. Обучи…
И замолчала Агнеша. Совсем.

Утром над рекой встал туман. Кузьма сидел, подпирая спиной берёзу, ждал рассвет.
На коленях у него спал наревевшийся и сомлевший Фотий. Надежда на будущее.

Хроники Марса. Третья дуэль

Философская сказка

Елена Картунова

Когда-то Время было неопределенным и никуда не торопилось. Оно и сейчас не особенно любит торопиться. Но в начале начал и бежать-то не было повода и смысла. И Время безумно скучало, флегматично стоя на одном месте. А, может, висело само в себе, не зная, чем заняться. Но не в этом дело. Главное – Время не двигалось.

Но однажды от каких-то своих мыслей Время нечаянно вздрогнуло. И эта дрожь побежала по нему во всех направлениях. «Что это?! – удивилось Время. – Что это во мне колышется?» И Время вздрогнуло еще раз. И тут же нечто неизвестное ожило, забегало, закружилось, замигало и засветилось, постепенно угасая по мере того, как успокаивалось Время.

«Странно. Очень странно», – подумало Время и принялось экспериментировать, пытаясь докопаться до истины обнаруженных неуловимостей. Покой исчез. Время периодически сотрясалось, и неизвестные частички тут же взрывались неистовым мерцанием множества ярких точек. А Время восторгалось и с удовольствием наполнялось смыслом.

«Движение – это жизнь! – сделало Время свой первый вывод. – И как же прекрасна эта жизнь! – радовалось оно, в очередной раз заставляя нечто внутри себя плясать и выстраиваться в причудливые рисунки. – Жаль, что я всё время одно и одно. Вот бы поделиться с кем-нибудь своим открытием!» – мечтало Время, вспоминая восхитительные картинки спиралей и туманностей, в которые складывались неведомые частички.

«Это всё неспроста. Это что-то значит», – думало Время и однажды так напряглось в попытке решить поставленную задачу, так сжалось, что все её таинственные нечто слились в одну точку и, не выдержав ошеломляющей близости друг с другом, с ослепительным сиянием разлетелись в разные стороны... Это было потрясающе! Время тут же ринулось вместе с каждым лучиком, растягиваясь во все стороны и одновременно осознавая свою суть.

«Я теперь не одиноко! Моя обратная сторона – Пространство и Материя!» – пришло оно к очередному выводу, одновременно помогая юному Пространству расширяться, а юной Материи развиваться. И Пространство с той поры расширяется, а Материя преображается в разнообразные миры. И Время щедро одаривает собой Мироздание, успевая быть одновременно везде. Оно может по нескольку раз прокручивать один и тот же эпизод и тут же

находиться в предыдущих точках себя, чтобы насладиться любимыми зрелищами творения.

«Как же я раньше жило без всего этого?» – удивляется Время, периодически заглядывая в своё первоначальное состояние, ибо никогда не надо забывать, кем ты был и кем стал. Это возвращение к себе, предыдущему, очень похоже на то, что люди называют воспоминанием. И, надо сказать, Время по достоинству оценило это состояние «время – назад», периодически замирая в какой-нибудь уютной ямке Пространства или покачиваясь на роскошных волнах Мироздания.

«Но что было до начала начал? … Черная дыра какая-то, честное слово. Ничего не могу вспомнить», – сокрушается Время… Если честно, оно невзлюбило черные дыры. В этих жутких местах со всеми творится что-то ужасное. Ненасытные черные хищники неистово глотают всё, что оказывается рядом, покушаясь даже на само Время, которое спасается лишь тем, что может вовремя перебросить своё сознание в тихое и безопасное место. Главное, не потерять разум, попадая в сложную ситуацию. И Время всегда начеку, особенно оказываясь рядом с чёрными монстрами. Но что удивительно, именно в непосредственной близости от них у Времени всегда появляется навязчивая мысль – «Всё было, всё есть и всё будет». Поэтому вопрос о черных дырах постоянно топорщится острым ребром.

«Может, эти опасные творения каким-то образом возвращают меня в начало начал, где я ещё неоформленно и неосознанно? Тогда бесконечность вполне объяснима… А что, если и смерть человека – это тоже своеобразная чёрная дыра, приводящая к очередному возрождению», – размышляет Время, косо поглядывая на людей, потому что эта беспокойная биологическая форма материи совершенно не ценит ни своё личное время, ни время других. Единственным оправданием для них может служить то, что, возможно, в глубине подсознания каждой человеческой особи заложена идея вечности... Тогда можно понять этих транжир…

И Время переключается на другие вопросы, периодически погружаясь в состояние «время-назад», чтобы прокрутить самые незабываемые события.

Земля – Созвездие Насос. Конкурс эссе «Здравствуйте, я ваша тётя!»

Хрупкость

Евгения

Мне всегда казалось, что наша внутренняя вселенная похожа на бабочку. Хрупкую, беззащитную. Красивую. Если неосторожно задеть нежную пыльцу на затейливых узорах крылышек – вселенная оголится. И сожмётся, защищаясь. Пройдет время – травма заживёт, вселенная вновь расправит крылья… Расправит ли?..

Нет-нет, прикосновения необходимы вселенной. Прикосновения любви и заботы придают нам прочности. «Но ведь вовсе не забота, а трудности закаляют?» – скажут многие. И с этим не поспоришь. Однако наша внутренняя бабочка живёт по своим законам.

Пока нежный слой пыльцы слишком тонок, растущие крылышки особенно уязвимы. Такова вселенная ребёнка. Грубое касание грозит катастрофой для не научившихся летать уверенно, опытно… Эту данность я ощущаю болезненно. Какими словами выразить мою боль? Может быть, стихами? Ведь иногда поэзия способна сделать то, что неподвластно обычным фразам и привычным логическим связям между ними. Но подобрать верные слова – на это нужен особенный талант. А моя попытка закончилась хлюпаньем в носу и осознанием: не хочу трогать. Оно такое хрупкое, что боязно прикасаться.

Тем не менее, стихи действительно иногда перестают быть словами – и становятся чувствами, ощущениями, эмоциями… Это если стихам удается проникнуть туда, где отзывается вселенная. Об этом я думаю, читая строки Ланы Юриной, от которых моя собственная вселенная сжимается так, словно это мои крылья ранены:

> …Если дожди заливают до люстры комнату,
> проще мгновенно, без шума, идти ко дну.
> …Не отвечать никому, притворяясь чокнутой –
> может, поверив, оставят тебя одну…

Отчаяние этих строчек не отпускает. Почему я тону вместе с беспомощным ребёнком? Может быть, по-прежнему саднят детские раны, с которыми постепенно мы учимся жить?.. Учимся с ними сосуществовать, но становимся ли от этого сильнее? Или, наоборот, из-за так и не затянувшихся ссадин бываем уязвимы в самые неподходящие моменты? Может быть, поэтому у нас не всегда получается помочь своему ребёнку в тот момент, когда его крылышки в этом нуждаются?

…Мама, терзаясь виной, суетится, бегает,
вечно таскает по знахаркам и врачам.
Марево после становится грязно-пегое,
злится на Дашу, по дальним углам рыча…

«Марево». Марево! Какая мучительная пытка для маленькой бабочки… Детские крылья обязательно ждут от взрослых особенного понимания своей хрупкости. А уж если крылья надломлены…

…Даше не нравится попусту разговаривать –
с тем, кто ни разу не видел такие сны….

Почему происходит катастрофа в детской душе, я узнаю в финале, и я кожей ощущаю хрупкость маленькой бабочки:

Снится, бывает, далёкое что-то, смутное:
солнце – на город надетое набекрень,
булка в руке, мелкий прудик с чудными утками.
Папа привычно кричит в несмешной игре,
бьёт по щеке, тащит маму к машине волоком.
(в юбке до пяток – царапины не видны)...

Даша, проснувшись, твердит про себя: «я в домике!»
Марево тускло колышется вдоль стены.

Трудные темы поднимает психологическая поэзия Ланы Юриной. Поднимает с самых глубин моей личной вселенной. Осторожные мазки, нечеткие силуэты – и бескрайняя гамма ощущений, переживаний, вопросов.
…Когда-то мне было совершенно легко сдавать экзамены по детской психологии: в учебниках всё разложено по полочкам с этикетками, есть все решения и ответы. Но с опытом работы, а главное, с жизненным опытом и с перипетиями воспитания собственных детей пришло понимание: не существует единой формулы в решениях, каждая вселенная уникальна. Почему ребёнка вдруг поглощает желание спрятаться, отгородиться от других? Он боится новых потрясений? Не доверяет тем, кто однажды ранил? Не верит, что жизнь за пределами личной вселенной тоже есть и что всё может измениться? А может быть, у каждой бабочки свои причины свернуться в кокон?..
Зато герой другого стихотворения Ланы иначе разбирается со своей травмой: он верит! Верит в лучшее:

…Только вот про папу – это всё не правда!
Вот, на фотографии он – в огромном тулупе,
самолёт с пропеллером и ёлки справа.
Ну а Вовка – дурак! Дурак и глупый…

…Полечу на север, на самый дальний!
Я такой, как папа, крутой и ловкий.
Я его найду – и спасу, чтобы жить нормально.
Для себя найду и для мамы.
Ну и для Вовки...

Этой бабочке тоже тяжело, но она обязательно полетит. Будущее не закрылось для неё пугающим маревом. Даже название – «Когда я вырасту» –говорит об этом. И я радуюсь вместе с обаятельным мальчишкой: всё будет отлично! Мне этот мальчик близок, потому что зовёт за собой и обещает хорошее. Спасибо за него, Лана.

Полечу на север, на самый дальний!
Я такой, как папа, крутой и ловкий.

Без родителей маленькая вселенная рассыпается на части. Связь эта огромна, даже когда мы о ней не помним, даже если в неё не верим. Эта связь – не только воспоминания о заботливых руках и любящих глазах. Не только благодарность или памятные моменты общих радостей. Это та самая нить, которая приводит малыша в мир и определяет направление полёта хрупкой маленькой бабочки. Эту нить невозможно оборвать по своему желанию, потому что на ней держится вселенная. Не потому ли, теряя родителей даже в тот период жизни, когда, казалось бы, внутренняя бабочка уже приспособилась к жизни в нас настолько, что может выдержать любые ураганы и потрясения, уход кого-то из родителей вновь лишает нас крыльев, а вселенная готова рассыпаться. Так было со мной, когда после долгой болезни ушёл папа. Мы никогда не были с ним близки, скорее наоборот. Но, осознав его окончательное отсутствие в этом мире, я ощутила ровно то же, что и героиня стихотворения «Слово»:

Я молчала: от «прости, мне жаль» –
до такси и виноватых жестов.
И впускала в форточку февраль
на твоё_ещё_недавно_место.

И снова стихи Ланы заставили меня вздрогнуть и обернуться назад. Я чувствую то же, для меня это не фразы, а моё личное отчаяние от потери:

А потом катала в снежный ком
нашу жизнь: недели, дни, минуты.
Плакала с худым снеговиком,
в бесполезный шарф его укутав.

Мы с героиней похожи. Моя личная вселенная, похожая на хрупкую бабочку, тоже по-прежнему сжимается от ударов и заворачивается в кокон.

Как важно видеть мелкие детали. По стихотворению Елены Бородиной «Воробьиное»

Яна Яблоко

Дорогой мой читатель! Уверена, что вы не равнодушны к поэзии, и потому не раз у вас возникал вопрос – чем отличается поэзия от рифмованного текста, в чем разница-то? Почему один текст, читаешь, как просто информацию, хотя и ладно зарифмованную, а вот другой, даже иногда не рифмованный, сбивчивый по ритму, окутывает тебя облаком переживаний счастья или грусти и тоски, покоя или тревоги? В чём, в чём она – сермяжная правда, тайна слов, сплетённых в строки, превращающиеся в поэзию – высший род искусства, по словам В. Белинского?

По этому поводу написаны тома литературных исследований, философских рассуждений, сломано немало копьев в диспутах и специалистов, и дилетантов. Не претендуя на установление истины, я хочу поделиться своими мыслями по этому вопросу, возникшими у меня при знакомстве с творчеством поэтессы Елены Бородиной http://litgalaktika.ru/index/8-188.

Когда-то давно одна интернет поэтесса под ником Джемма (действительно поэтесса в стоге флудеров) поделилась откровением, которое я часто вспоминаю – она написала, что поэзия кроется в нюансах, деталях, мелочах. Не цветы, а фиалки и васильки, не деревья, а клёны и ясени, не танец, а вальс или фокстрот. Именно мелкие конкретизирующие детали позволяют передать читателю нюансы картины, которую рисует автор, и передать его переживания или переживания его литературного героя. Но, безусловно, не только они являются ключиком к поэтичности текста.

Творчество Елены Бородиной, на мой взгляд, можно причислить к поэзии, именно потому, что ее стихи, словно картины, нарисованные тонкими мазками, в которых прорисованы мелкие детали иносказания. И прорисовывая их, автор уплывает в мир своей фантазии и своих переживаний, а потом уносит в эти миры и своего читателя.

Иногда так хочется чего-то незамысловато-доброго – аж сердце замирает! И ведь случается же, правда? – это признание Елены Бородиной в комментариях к стихотворению «Воробьиное» как нельзя лучше описывает ощущения автора, с которыми написана эта осеннее-фантазийно-воробьиная лирика.

Действительно, случается же. Вот и сейчас – за окном рассеянный осенний дождь стекает каплями с еще зеленых, но уже тронутых ржавчиной листьев винограда, а за ним персика, а за ним кустов барбариса у самой ограды…. И

тихо так – ни людей, ни машин, ни птиц – даже воробьи попрятались… Только кап, кап… Осень – подруга бесконечного дождя…
Но Елену такой дождь вдохновляет на полную иронии воробьиную миниатюру. Впрочем, воробьиную ли?

… и дождь не дождь,
как будто, кто-то
чихнул, и то – не от души…
но воробьев крикливых рота
уже в убежище спешит,
чтоб там, нахохлившись сердито,
отвесив нижнюю губу,
дружку чирикать – дескать, ситный,
с тобой в разведку не пойду!
С тобой могу лишь, длиннохвостый,
слетать в соседний магазин –
стрельнуть с прилавка папиросы,
а в прочем – ты невыносим:
из-за тебя вся эта слякоть,
из-за тебя дела плохи…

К его груди припасть – и плакать,
и до утра
читать стихи.

Надо сказать, что я не люблю, когда в обсуждениях стихотворения выхватывают строки из общего контекста – это как заставлять пациента «не дышите, я тут немного поразглагольствую о состоянии ваших легких, посмотрю снимки, посоветуюсь с коллегами, обсужу ваши перспективы и возможности, кофе попью… Теперь, если еще живы, дышите». Стихотворение надо читать на одном дыхании от начала до конца, только тогда можно его ощутить, прочувствовать и на последней точки посмаковать послевкусие своих переживаний и мыслей.

В красочных деталях нарисованная Еленой фантазия отношений воробьиной пары с каждой строчкой все больше и больше наводит на мысли о человеческих отношениях, и в конце концов срывается от невыносимости в многоточие, за которым уже человечески-пастернаковское «плакать», а значит, и стихи…

– О чем стихотворение? – спросит строгий критик.

О дожде? О воробьях? Я бы сказала, об осеннем настроении, раздражении, с которым мы пытаемся бороться шуткой и иронией. Но это не всегда получается, и срываемся на близких, а потом, чувствуя свою неправоту, плачем у них же на груди.

– А воробьи тут причем? – спросит здравомыслящий реалист.

– Ну, воробьи – они же всегда под рукой, т.е. под окном, на глазах, вот им и досталась роль «мальчика для битья» в убежище.

Но у этой неворобьиной истории у автора есть продолжение – снежное умиротворение, «попытка осенний сумрак забелить».

… и снег не снег, а так…
Попытка
осенний сумрак забелить –
так в черный кофе струйкой, зыбко
вплывают чудо-корабли
из молока для нас с тобою.
Не снег – немного торжества,
и в белой мантии с подбоем
кружится красная листва,
всегда права и неподкупна:
закончен лиственный сезон –
чего терять? Ложится крупно
тот снег-не снег,
и не газон
вдруг видится – несчастный Йорик:
глазницы – полные земли.

И россыпью кофейных зерен
на первом белом – воробьи.

Первый снег – всегда чудо, особенно после долгой осенней слякоти. Но это чудо происходит не только в природе – и для «нас с тобой» всплывают чудо-корабли, всплывают из сумрака чёрного пусть и кофе.

Неординарные образы один за другим складываются у Елены в единую картину торжества зимы: красный лист в белой мантии с подбоем, кружение листвы, газон, на который упал первый снег – местами стаяв, оголяя землю, словно черные глазницы белого черепа. Ведь зима – еще и пора умирания природы.

Но финал стихотворение оптимистический – на «первом белом воробьи» всё так же суетятся, дерутся за зернышки, вспархивают на ветки. Автор словно отпускает их, а с ними и осеннюю депрессию героини, – летите.

Весь подтекст переживаний автора (или героини, но в данном случае повествование от лица автора) передан в стихотворении метафорично, с помощью нескольких образных деталей, не «в лоб». Но от этого, при всей лаконичности текста, у читателя создается ощущение понимания и полноты, причастности, сопереживания и красоты искусно нарисованной словами картины.

Хочется пожелать Елене Бородиной вдохновения для новых стихов. Осень ведь за окном, и дожди…

Таёжник. Кто стучится в дверь ко мне?
Николь Аверина

Девочке четырех с половиною лет прочли «Сказку о рыбаке и рыбке».
– Вот глупый старик, – возмутилась она, – просил у рыбки то новый дом, то новое корыто. Попросил бы сразу новую старуху.

Логика маленьких детей поражает… Недаром говорят: устами младенца глаголет истина. Но не думаю, что ребёнок, услышав подобную сказку про свою непутёвую маму, захочет поменять её на другую. И в этом нет ничего странного – мама, какой бы она ни была, всегда остаётся для ребёнка мамой.
А вот чему могут научить детей родители, которые зачастую теряют и человеческий облик – большой вопрос. Бывает, правда, что и из таких семей выходят люди очень порядочные и даже образованные. Трудности закаляют, а из чувства протеста чего только не сделаешь… Но какое количество не только настоящих, но и высокообразованных людей мы теряем именно по этой причине – сложно представить.
Все мы родом из детства… И детям этого автора точно повезло!

– Я во сколько родилась?
Спрашивает дочка.
– Поздно! – мать отозвалась –
В полвторого ночи!
Дочка маму обняла,
Шёпотом спросила:
– Это значит я тебя
Ночью разбудила?

Нет-нет! Автор не девочка… И совсем неважно, что этому, давно выросшему, мальчику перевалило далеко за…
Корней Иванович Чуковский писал: «детский поэт должен быть счастлив. Счастлив, как и те, для кого он творит».
Дети по природе своей оптимисты, и не может хорошо писать для них человек хмурый и злой. А искренняя и добрая улыбка Таёжника подкупает с первого взгляда на его творения. Как, впрочем, и на него самого…

Мама:
– Слушай, Петя, – вот, загадка! –
Положила я в буфет
Две большие шоколадки,
Но одной сегодня нет!
Как такое может быть,

Ты мне сможешь объяснить?
Петя:
– Объясню я всё, конечно,
Свет вчера погас под вечер,
А при выключенном свете
Я вторую не заметил!

И попробуйте не улыбнуться… Книга не самолёт, а за тридевять земель унесёт.

Телек сломан – ерунда! –
Мы не заскучаем!
Всей семьёй мы в «Города»
И в «Слова» играем!
Вот сегодня, например,
Каждый называет
Тот предмет на букву «эр»,
Что перед глазами…

А перед глазами оно – радио… Чёрная круглая тарелка на стене.
Ничего не кушает, только сказки слушает – это про нас, родившихся в пятидесятых. Сказки, рассказанные голосом Литвинова, «Пионерская зорька» и книги, книги, книги… Сначала их читала мама, а потом взахлёб и мы – под одеялом с фонариком. Помните?
В наше время и телевизор был редкостью. А оставаться одним приходилось постоянно.

Одолела эта скука –
А коту всё спать, да спать!
Ни с балкона помяукать,
Ни со мною поиграть.
Я тянул его за лапы
Я игрушками гремел,
А ещё с дивана на пол
Сбросить Ваську я хотел.
Ни в какую! Я с угрозой:
Мол, сосиски все доем!
А он лёг в застывшей позе –
вроде, умер насовсем.
Хоть и хитрый кот Василий,
Но я знаю наперёд:
Хлопнет дверцей холодильник –
Он волшебно оживёт!

Балкона у нас в то время не было, да и холодильника тоже – мы жили в старом двухэтажном доме рядом с фабрикой художественных кистей, отходы которой способствовали процветанию не только мышей, но и крыс… Кот оживал уже по другой причине.

В тёмном чулане под тёмною крышей
Тёмное дело затеяли мыши.
Что там затеяли – нам невдомёк! –
Может, на кошку набросить мешок?
Может, прогрызть здоровенные дыры,
Чтобы побольше утаскивать сыра?
Сбились они в очень тесный кружок,
Словно пришли на мышиный урок.
Ночь напролёт грызуны обсуждали
Этого тёмного дела детали.
Но, рассвело, пока мыши возились –
Тёмное дело у них провалилось!

Наверно, вам кажется, что я ушла от основной темы, окунувшись в воспоминания о своём детстве. Но это ли не показатель того, что детские стихи, написанные Анатолием, отвечают ещё одной заповеди Корнея Чуковского:

«Если, написав целую страницу стихов, вы замечаете, что для неё необходим всего один-единственный рисунок, зачеркните эту страницу как явно негодную».

Образы должны сменять друг друга так же быстро, как кадры киноленты.

Паутиночка летела,
зацепилась за сучок,
и на ней, как на качели,
стал качаться паучок.
Очень сильно раскачался –
может, в небо захотел?
Но с качельки он сорвался
и в ромашки улетел!
Пауки снуют в тревоге,
паучка найти не могут!
Мама даже под ромашку
отнесла с вареньем чашку.
Стали бабушку тревожить –
Потерялся паучок!
Просят все её – ты, может,

Разглядишь, где твой внучок?
И старушка на опушке
отыскала паучка –
патамушта-патамушта
ходят бабушки в очках!

Не знаю – читал ли Анатолий заповеди К.Чуковского, но в данном стихотворении эта сменяемость явно просматривается. Ясность изложения, музыкальность, подвижность эмоции и подвижность ритма– всё это в стихах Анатолия точно есть.

– Обе чашки, – отвечай мне! –
ты разбила как – случайно?
– Сразу чашку, – плачет Мила,
я нечаянно разбила!
Но сестрёнка подошла
и спросила: – как смогла?
Чтобы ей понятно было,
я ещё одну разбила!

И, если мы попробуем, на примере уже этого стихотворения, проверить – следует ли автор ещё и другим заповедям, то увидим, что да: рифмованные слова несут на себе основную смысловую нагрузку, рифмы находятся близко друг от друга, речь построена на глаголах…
А добрый взгляд на данную ситуацию подтверждает правильность народной пословицы: немой упрёк тяжелее сказанного. И это я тоже помню – нами правил не страх наказания, а любовь – огорчать родителей очень не хотелось.

Летом однажды, часа так в четыре
Снег повалил у Дашутки в квартире!
Мама в то время в компьютер играла
И снегопада не замечала.
Снегом покрылись полы и кастрюли,
Лёг он повсюду! – на скатерть, на стулья,
Лёг на ковёр и на папины тапки,
Стали у Барсика белые лапки.
Лёг он на Дашину чёлку и лоб,
А под ногами был целый сугроб!
Даша вздыхает – ещё б на паркет,
Только в пакете муки больше нет!

Я не вздыхаю – муки очень много, сыпется снег от окна до порога, дальше во двор – за щербатый забор… Память такая – её только тронь…

Ушли в прошлое школьные стенгазеты, которые мы выпускали почти к каждому празднику. Помню, как меня заставили писать стишок с пожеланием и самой себе – стать поэтом детским, сочинять стихи и сказки для ребят советских. Не стала.
«Для детей надо писать так же, как для взрослых, только лучше» – ещё одна заповедь Чуковского, говорящая о том, что это время для меня ещё не наступило. А попробовать хотелось бы…
И слепая лошадь везёт, коли зрячий на возу сидит – говорит ещё одна пословица и хочется верить, что зрячих у нас много больше. Добрый пример лучше ста слов, а живое слово дороже мертвой буквы.

Дождь и слякоть за окошком –
Васька кот и тот грустит,
Я спросила; «Хоть немножко,
Кто со мной поговорит?»
Папа в танчики играет –
Мне его не оторвать.
Мама – барыня какая! –
Сразу вздумала стирать.
Не нужна я им обоим.
И я так скажу коту:
– Вась, пойдём опять к обоям –
Дорисуем красоту!

Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Шла унылая корова
И качала головой,
Хоть она корова-рёва,
Скучно ей реветь одной.
Ей сказали, не беда,
Заходи скорей сюда!
С нами рёвушка живёт,
Целый час уже ревёт!
Вот две рёвы заревели
И ревели две недели.
И ещё они к тому же,
Наревели слёз две лужи!

Вот такие рёвушки,
Рёвушки-коровушки!

С помощью игры дети познают мир. Стоит только отвлечь ребёнка, и он забывает про слёзы. Если бы все мамочки помнили об этом…
Лучший способ сделать детей хорошими – попытаться сделать их счастливыми, и Таёжник знает это. Поэзия должна быть игровой.

– Глеб, ты можешь быть послушным, –
просит внука дел Пахом, –
для чего ты на подушке
скачешь по полу верхом?
– Это я скачу по лужам
через лес и бурелом!
Подо мной сейчас, к тому же,
не подушка, а седло!
– Так коня ведь не хватает?
– Есть и конь! Смотрите – вот!
Глеб подушку поднимает,
а оттуда пулей – кот!

«Маленького ребенка по-настоящему волнует в литературе лишь действие и быстрое чередование событий. А если так, то побольше глаголов и возможно меньше прилагательных!»

Не мне судить насколько верны заповеди Чуковского, но многие его стихи живы в моей памяти до сих пор. Как, впрочем, и другие…

«Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он,
Это он» –
Наш Таёжник, почтальон…

И да простит меня С.Я.Маршак, но в мою дверь сегодня постучался именно он – наш Таёжник, Енин Анатолий Тихонович, путешествие по стихам которого я и совершала. Жаль, правда, что сумка со стихами на нашем сайте ещё далеко не толста. Но всё ещё впереди…
Читайте – http://litgalaktika.ru/index/8-219

Очень надеюсь, что данное путешествие принесло пользу. И не только мне, вдохновившись стихами Анатолия и заповедями К.И.Чуковского, захотелось написать что-нибудь эдакое… Дерзайте!

Земля – Созвездие Дракона. Второй конкурс сказок

Чертёнок

Aleker

В этом пруду я живу со всей своей семьёй – с папой и мамой. Наш адрес: Тихий Омут, 1.
Правда, гости к нам никогда не приходят. Разве что какой-нибудь подслеповатый рак заползёт ненароком.
Меня зовут Сашка, и я самый обыкновенный чертёнок. Что хорошего я унаследовал от своих родителей – это умение принимать различные облики или же просто вселяться в чужое тело. Всему плохому я научился сам.

Как и все молодые чертята, я люблю пошалить. Но особенно мне нравится приставать к Петровичу. Я его приметил несколько месяцев назад, когда в образе белки кидал каштаны на головы прохожих. Все люди как люди, поднимали носы к небу, ворчали, искали хулигана. Этому же я попал прямо по лысине, а он только потёр макушку и дальше поплёлся. Какое-то неуважение просто! Пошёл я тогда за ним, пробрался к нему в квартиру. А там – мать Чертовка! – и канарейка в клетке сидит, и кошка полосатая по комнатам гуляет, и рыбка в аквариуме плавает. А сам мужичок спокойный такой! И стал я чаще к нему наведываться. То в голубя превращусь, на подоконнике сяду, разговоры слушаю.

Как-то приходил к моему мужику приятель. Посидели, чаёк попили, гость и говорит: «Цены тебе, Петрович, нет. Терпение у тебя ангельское.»
Нет, думаю, я всё-таки выведу тебя из себя!

И тут началось: Петрович телевизор смотреть – я антенну отключаю, Петрович макароны варить – я соли побольше насыплю. А однажды влез я в его канарейку, а Петрович как раз с кормом идёт. Я пальцами на лапе – щёлк – всё просо из мешочка просыпалось. Я от смеха так щебетал – чуть с жёрдочки на свалился. Вдруг слышу под собой голос девчачий:
– Ну чего ты пристал к человеку?
Я вниз посмотрел – рыбка из аквариума высунулась и со мной разговаривает:
– Я его оберегаю, терпение даже своё одолжила, а ты его всё изводишь да испытываешь.
– Ты кто? – спросил я.
– Я – Настя, ангел, – скромно отвечала рыбка.
Я аж присвистнул от досады. Надо же, моего Петровича ангел хранит!
– Всё равно я его разозлю, – проворчал я, – Спорим?! 3 дня – и он будет мой.
Рыбка сперва помолчала, а потом ответила:
– Ну давай. А через 3 дня оставишь человека в покое.

* * *

Моя мама всегда говорила: хочешь сделать человека несчастным – дай ему надежду, а потом забери её.
План был очень простой. Утром я написал письмо, в котором сообщал, что Петрович по лотерее выиграл холодильник и его можно получить до вечера в магазине. Сам же залез в бабульку, сидящую у подъезда, и наблюдал, как Петрович обрадовался.
«Ну, думаю, погоди. Я посмотрю на твоё лицо, когда ты в магазин припрёшься, а там никакого приза для тебя нет».
Потом, обернувшись мальчишкой в джинсовой курточке, я пришёл за ним к магазину. У дверей стояла высокая блондинка. Когда Петрович вошёл, заиграла музыка, туш и девушка сказала:
«Поздравляю, вы тысячный покупатель за сегодня! И этот холодильник теперь ваш!»
Что за дела!? Ладно, думаю, тогда пусть этот холодильник будет такой большой, что к тебе через дверь не пролезет. Будешь тогда локти кусать.
А тем временем грузчики положили этот холодильник на тележку и погрузили в машину. Я сам в водителя грузовичка залез. Надо же лично убедиться, как Петрович будет плакать, когда его приз на улице останется.

Приехали мы к дому Петровича, холодильник поднимаем, в квартиру несём, а он в дверь не проходит. И тут какая-то девчонка по лестнице спускается и говорит: «А вы через окно попробуйте. Мой папа всегда так делал.»
Грузчики к окну – влез этот проклятый холодильник.
«Да чёрт тебя подери, – разволновался я, – тогда пусть этот холодильник сломается сегодня же вечером». Не успел Петрович продукты в него загрузить, как холодильник отключился. Я в кошке сижу, лапы потираю, мяукаю гадко.
А тут телефон звонит и приятный женский голос сообщает Петровичу, что этот холодильник – только выставочный экземпляр и завтра с самого утра ему, Петровичу, привезут совсем новый, ещё лучше.
Признаться, я сам немного расстроился. Ну, думаю, завтра я что-нибудь более весёлое сделаю.

* * *

Мой папа всегда говорил: хочешь разозлить человека – напугай его.
Вот тут я мастер! Чего боятся люди? Мышей! Лови, Петрович, парочку. Проснёшься утром, а они у тебя на подушке сидят. И пускай соседи, проживающие 5 этажей выше тебя, проснутся от твоего крика. Сам я пристроился мальчишкой у окошка – жду. Эй, Петрович, спишь ещё?! Пора вставать, соня, – сюрприз на подушке сидит. Взялся руками за карниз,

подтянулся выше, заглянул в окно. Что за чёрт?! Вместо мышей на подушке у моего мужичка кошка сидит, а изо рта у неё мышиные хвосты торчат.
Взял я тогда бульдога пострашнее – огромный такой, рычит, слюни рекой льются. Привязал псину возле дома Петровича. Петрович, а Петрович, тебе на работу пора. Вышел мой мужичок из подъезда, себе под ноги смотрит. А я жду с сторонке. Вот сейчас он собачку увидит... И тут слышу: «Полкан, иди сюда, мой мальчик» – какая-то старушенция издалека бульдога зовёт и колбаску в руке держит. А этот пёсик злобного вида хвост поджал, слюни сглотнул и помчался к старушке.
Только не отчаиваться, сказал я себе, ещё не вечер!
Уже стемнело. Петрович с работы возвращается. Разогнал я прохожих, освободил остановку автобусную. К тёмному фонарю бочонок приставил, палку здоровенную поперёк положил, шляпу сверху – ну вылитый разбойник с большой дороги. Осталось только самому спрятаться и страшным голосом произнести: «Папаша, дай закурить». Испугается Петрович, как миленький. А вот и он. Только подошёл к остановке, только я уже открыл рот страшные слова говорить – бац – фонарь зажёгся. Да что ж за чертовщина такая!

* * *

Так и не вышло у меня ничего. Подустал я за день – столько сил и волшебства потрачены – и всё впустую.
Залез я на крышу дома, лёг на теплые черепицы, смотрю на небо, думаю, что же завтра такое сделать. Вдруг слышу – совсем рядом вздыхает кто-то. Посмотрел я по сторонам.
Вижу – девчонка сидит. Волосы светлые, в лунном свете серебром отливают. А за спиной у неё крылья белые.
Я спросил:
– Это ты – Настя?
Девочка кивнула.
– И это ты во всём помогаешь Петровичу?
Девочка снова кивнула.
– Так значит и говорящая рыбка, и кошка, которая съела моих мышей, и старушка с колбаской и многое другое – тоже ты?
Девочка кивнула в третий раз.
– Но почему?
– Потому, что я его ангел-хранитель, – отвечала она. А потом повернулась ко мне лицом и впервые посмотрела в глаза.
У меня закружилась голова, заныло в животе, а звёзды на небе замелькали в каком-то неизвестном мне танце. Полная луна висела позади Насти, как нимб. Признаюсь, никогда ничего подобного со мной раньше не случалось.
И мне страшно захотелось сделать что-то хорошее. Для неё. Для этого милого ангела по имени Настя.

– Ты любишь мороженое? – спросил я. – Ванильное, с кусочками шоколада?
– Очень, – ответила она.
Я щёлкнул пальцами, и у неё в руках появилась тарелочка с мороженым.
Перед нами светился огнями ночной город. Мы сидел на самом краю крыши, свесив ноги, ели мороженое и говорили о всякой всячине. И это была, наверное, самая лучшая ночь в моей жизни.
Постепенно светало – начинался новый день.
– А знаешь, – сказал я, – я больше не буду приставать к твоему Петровичу.
– Спасибо, – отвечала Настя.
Я помолчал немного, а потом робко спросил:
– Мы с тобой ещё встретимся?
Она залилась румянцем. При розовом рассветном свете Настя была ещё красивее.
– С удовольствием, – сказала она.
Тогда я предложил:
– Давай опять в полночь на этом же самом месте.
– Давай, – сказала она и глаза её заблестели.
Весь день я проспал в своём Тихом Омуте.
И с тех пор каждый вечер я прилетаю на крышу дома, где живёт Петрович.
Мы с Настей болтаем обо всём на свете и кушаем сладкое ванильное мороженое с шоколадом.

Земля – Созвездие Гончих Псов. Конкурс фантастических рассказов

Перекур

АлеХ

Он был стар и часто просыпался по ночам. Просыпался и лежал на диване, не открывая глаз. С открытыми, при свете ночника, он видел обыденное: стол, стул, книжные полки, старое кресло и тумбочку рядом, с сигаретами и пепельницей. С закрытыми – под веками оставалась темнота. И каждый скрип снаружи делал вещи в комнате живыми.

Все звуки в ней делились на давно знакомые и редкие новые. Вот захрустела пружина боя в часах, нарушая их мерное тиканье. Молоточки он когда-то заглушил, уж очень громко и бесповоротно они бумкали, но по жужжанию механизма легко определялось, который час пробит. Вот скрипнули полы. Потом, протяжно и с хрипотцой, как старый курильщик, выдохнуло кресло. Старик всегда посмеивался, усаживаясь в него с книгой и слыша этот звук. «Терпи, дружище, мы еще не всё прочли», – думал он. Вот зашелестела занавеска, обмахнув ночной пейзаж в раме окна. Все сегодняшние звуки были привычны. И тут, осознав что сам-то он лежит на диване, а не сидит в кресле, старик открыл глаза.

Испугать его было уже трудно, а вот удивить – можно. В кресле расположилась странная фигура в ярком и цветастом балахоне с капюшоном, скрывавшем лицо. В одной руке у неё была сигарета, в другой – грабли с отполированной временем рукоятью и редкими, но крупными зубьями. Лицо в капюшоне было невозможно толком разглядеть, оно всё время меняло очертания и словно плавало в туманном мареве.

Фигура вздохнула и спросила неожиданно глубоким контральто:

– Прикурить дашь?

– Да пожалуйста, – он лёжа взял зажигалку с тумбочки и протянул, стараясь унять дрожащие руки. Сердце колотилось. Не от испуга, а от непонимания происходящего.

– Не-е-е, ты сам. – фигура махнула граблями. – Руки заняты.

Старик приподнялся и щёлкнул зажигалкой. Фигура прикурила, затянулась внутри капюшона и молча выпустила струйку дыма.

– Грабли зачем? – спросил он первое, что пришло в голову.

– Грабли? Да так, атрибут. Мешаются вечно, заразы. Но положено. Иногда роняю по забывчивости. Не замечал разве?

– Я? Не понимаю... Вы кто?

Фигура тихо рассмеялась. Поёрзала в кресле, устраиваясь получше и пыхнула дымом в потолок.

– Зови меня Жизнью. Своей. И давай на ты. На брудершафт не пили, но знакомы изрядно.

– А вы... ты зачем? – он растерялся, – Тут?

– Да я, собственно, тут всегда. Но вообще-то поговорить хотела. За меня. – снова рассмеялась она. – Давно хотела у тебя одну вещь спросить...

Фигура затянулась и из капюшона поплыли вверх аккуратные колечки дыма. Старик успокоился, отбросил плед, давным-давно подаренный женой, спустил ноги с дивана, уселся поудобнее и тоже закурил.

– Значит, ты – Жизнь. Моя. Да... не ожидал. Так что вы... ты хотела спросить?

– Скажи, вот тогда, в девяностом, ты хлопнул дверью и ушел. Почему?

Он прикрыл веки, извлекая из глубины давно запрятанные от себя воспоминания. Хорошо и тщательно забытое крутанулось в груди болью. Резануло и притихло в ожидании.

– В двух словах не получится. Да и надо ли? Я просто понял, что... всё. Это были мой выбор и моё решение. Может и неверное. Но я... – он помолчал. – Я ни о чем не жалею.

– Вот оно как, – задумчиво протянула фигура. – Значит, всё-таки Поступок. А то я всё сомневалась, не Судьба ли руку приложила. А ты сам с усам. Всю меня тогда изломал. Еле выкарабкались. Оба.

– Извини. Так вышло.

– Да я не в претензии. Давно дело было. Просто хотела знать.

Они замолчали. Докурив, молча погасили в пепельнице сигареты. Фигура стряхнула случайный пепел с колен и встала.

– Ладно, что хотела, спросила. Пойду я. Мне смену сдавать.

– Смену?

– Пора...

Он кивнул головой. Фигура одернула балахон и направилась к двери. Сделав пару шагов, обернулась.

– Ну, бывай. Может встретимся еще.

– А такое бывает?

– У них там – она ткнула граблями вверх, – всё бывает... Разберутся.

Старик проводил её глазами. Посмотрел, как тускнеет балахон в темноте коридора. Потом улегся на диван, нашарил плед и укрыл им ноги. Закрыл глаза, возвращая ночь и тишину. Прислушался. Всё снова было как обычно. Мерно тикали часы. Шуршала занавеска. «Значит, бывает. Такое. Там, у них», – подумал он и улыбнулся, вспомнив грабли.

Из прихожей доносились тихие голоса.

Земля – Созвездие Наугольник. Конкурс в стиле Кено

Все мы немного рыбы

Милана Секоненко

Провели мы целый день в океанариуме. И почувствовали там себя немного рыбами. Вечером вплыли в двери вагона метро. С помощью упругой людской волны тут же отнесло нас в дальний угол и прижало к стенке. Стоим, пузыри пускаем, жабрами усиленно дышим, осматриваемся: сквозь заросли водорослей, поверх плечей и голов намечаем глазами фарватер к выходу в случае подачи сигнала SOS. Вскоре поезд замедлил ход, остановился, двери открылись, мы еле успели плавниками покрепче ухватиться за металлические стойки, прежде чем отбойным течением утащило бы нас в открытое море.

Основная толпа из вагона схлынула, чтобы по другим руслам двигаться, а двое молодых морских коньков еле успели заскочить в последний момент в вагон. Их слегка прижало дверями, а они заржали будто лошади. Все пассажиры, сидя на скамьях как на песчаном дне, учёными пескарями в рот воды набрали и в смартфоны будто в иллюминаторы батискафов глаза выпучили. А мы на двух морских горбунков уставились. Один, высокий, с наушниками на длинной шее, всё дёргался как пойманный на удилище, а его капюшон в такт ногам колебался вверх-вниз словно спинной плавник. Второй, пониже, с несвойственной в местных водах боевой индейской раскраской на узком рыльце, гордо нёс корону из лучей и колючек, сооружённую с помощью водоотталкивающего геля. Левым грудным плавником он весело размахивал багрянками – красными водорослями – детским флажочком.

Поезд неожиданно дёрнулся (машинист мальком, по всей видимости, оказался), и длинного унесло течением в другой конец вагона, где он наткнулся на бревно в тихой гавани в виде дядечки, похожего на колючего ерша, завопившего так, словно ему хвост ластами прищемили. В придачу он сильно пихнул мальца, даже не дождавшись от того извинений. Коротышка вовремя подошёл к ним правым галсом и принялся в сторону дядечки что-то булькать на незнакомом рыбьем языке. Перед ними тремя сидела полненькая тётечка, вылитая медуза. Она, надув щёки и поджав губы, схватила гладкими щупальцами свою сумочку, обиженно приподнялась с глубины и стала искать спокойную бухту. Дядечка, к тому времени побледневший от негодования, надменно сел на освободившуюся банку, закрыл глаза, превратившись в неприступный айсберг, и погрузился в адмиральский час. Наконец, состав добрался по маршруту до необходимых координат, мы выскользнули из дверей и стали подобно подводной лодке всплывать на эскалаторе. До нас доходили акустические волны от, по-видимому, опять застрявших в дверях молодых ржущих бакланов.

На поверхности мы решили поиграть в речные суда. К двенадцати ночи прошли не одну морскую милю по широкой акватории городской гавани, в которой дрейфовало вдоль причалов множество кораблей, катеров и буксиров. Стоял полный штиль, слегка клубился туман. Вдруг из него навстречу нашему курсу выплыла всё та же забавная парочка. Столкновения не произошло, потому что раскрашенная физиономия низенького прорывалась сквозь марево, а голова высокого хорошо была видна в верхнем, расползающемся слое туманного облака. Со знакомым гоготом салаги приветственно прокричали нам что-то, но мы не расслышали. У длинного на шее был замотан красный шарф, выглядящий ватерлинией между туманом и ясным воздухом. Мальчишки остановились, не доходя до нас, и синхронно подняли головы. Мы остановились тоже, посмотрели наверх и стали слушать, как бьют склянки на Спасской башне.

Земля – Созвездие Эридан. Конкурс мистических рассказов

Картина

Ольга Альтовская

Я хорошо помню тот день, когда эта картина появилась в нашей квартире. Я пришла из школы (а училась я тогда в шестом классе) и увидела, как папа склонился над холстом, разложенным на столе. Он обрадовался, увидев меня: «Смотри, Лялечка, что я принёс! – воскликнул папа. – Ты не поверишь, где я это нашёл! На чердаке нашего института!»

Папа преподавал в институте начертательную геометрию и черчение. Он зачем-то полез на чердак. А здание старое, построенное ещё в начале века. Там и нашёл среди хлама свёрнутый в рулон холст. Эта картина, видимо, ещё со времён гражданской войны там валялась. Возможно, когда белые отступали, спрятали её на чердаке, а потом просто забыли о ней в спешке.

Папа был ценителем редкостей. А эта картина была действительно необычной. На ней был изображён старик в бархатном халате. Его окружали колбы с разноцветными жидкостями, разные стеклянные сосуды. Одну колбу старик держал в руке и внимательно рассматривал содержимое. Тусклый свет освещал его каморку, придавая всему находящемуся там какую-то чарующую таинственность. Изображение было настолько реалистичным, что становилось не по себе. Будто я заглянула в давно прошедший век и увидела вживую этого старика, будто находилась рядом с ним в той комнате.

Но самое удивительное – это манера письма и точность, с которой были выписаны все детали. Чувствовалась рука большого мастера.

Папа сказал: «Смотри, какая работа! Это похоже по манере на Рембрандта. А изображён, по-видимому, алхимик. Видишь, сколько у него всяких склянок с разными препаратами? А посмотри, как художник изобразил колбу! Как точно передал стекло! Оно тонкое и прозрачное – прямо как настоящее!»

Папа восторгался своей находкой. Потащил её в музей. Там определили, что это копия с какой-то картины неизвестного нидерландского художника. Папу это не смутило. Мы вместе с ним яичным белком очистили полотно от грязи, вставили в чёрную раму, которая ещё больше подчёркивала таинственность изображения. И картина заняла место в моей комнате прямо напротив моей кровати.

Я не возражала. Засыпая, могла подолгу смотреть на этого старика и даже мысленно разговаривала с ним: желала спокойной ночи, а утром здоровалась.

И вот однажды утром, взглянув на картину, обнаружила нечто странное. Не сразу. Сначала почувствовала некий дискомфорт. Картина была изучена мной до мельчайших подробностей, но в то утро жидкость в колбе будто стала чуть темнее, чем прежде. «Показалось», – подумала я и убежала в школу.
Вечером перед сном всё на картине вроде бы было как всегда. И я пожелала старику спокойной ночи. Но наутро, когда я с ним поздоровалась, мне показалось, что он на меня посмотрел!

И так каждый день я стала замечать небольшие, едва заметные изменения в картине: то буква на свитке перед стариком уже не та, что была раньше, то колбы чуть сдвинулись, то рукав на халате повыше приподнят…

А папа ничего не замечал. Он приводил к нам коллег, студентов, показывал эту картину и не переставал восхищаться ею: «Смотрите, как живой! Правда, Лялечка?» Я подтверждала. Правда, всё с меньшим энтузиазмом. Я стала бояться этой картины.

И однажды ночью мне приснилось, что старик вышел из рамы и присел ко мне на кровать.

– Не спишь? – спросил он.

Я зажмурилась, изображая спящую. А он продолжил:

– Не спи! Мне нужна твоя помощь. Я хочу изготовить философский камень. И мне не хватает одного очень важного компонента. Мне нужна кровь рыжего мужчины. Немного – две унции. Завтра принесёшь – и у меня всё получится.

А назавтра я заболела. Поднялась температура аж до сорока! Когда пришла в себя, увидела папу. Он склонился надо мной:

– Что ж ты, Лялька, меня так напугала? Мы так все боялись за тебя! И в бреду несла всякую околесицу: кричала «уйди, уйди», про какую-то кровь говорила, плакала – рукой на картину показывала. Но, слава Богу, кризис миновал. Теперь пойдёшь на поправку…

– А где картина? – я вдруг увидела, что там, где она была, висит натюрморт с сиренью.

– Нравится? – спросил папа. – Это тебе вместо алхимика. На блошином рынке купил у одного художника. Правда здорово?

– А где старик?..

– Я ту картину подарил доктору. В благодарность за то, что он вытащил тебя с того света. Не жалей! Смотри, какая сирень красивая! Как живая! Поправляйся, рыжик мой!

Кто бы говорил! Сам-то огненно-рыжий – а я вся в него!

И я тогда почувствовала, как же сильно я его люблю. Он настоящий. Он у меня золотой! Нет, даже дороже золота. Бесценный. Папка мой!..

Земля – Созвездие Эридан. Конкурс мистических рассказов

Кошачий рай

Джон Маверик

Давно это случилось... Он вышел к летнему кафе, босиком, с диковатым взглядом, небритый и худой. В нашем городке, где все друг друга знали – если не по именам, то в лицо – он был чужаком и вдобавок чужаком неприятным. Огляделся потерянно и направился к столику, где сидел я, восьмилетний, с родителями и младшей сестрой. Миа, нарядная, словно куколка, в синем платье и с большим желтым бантом, пила апельсиновый сок. Мороженое ей не разрешали из-за частых ангин. Я, скучая, скреб ложкой по дну пустой вазочки в тщетной попытке выскрести оттуда остатки пломбира.

– Смотрите, – громко сказала моя сестренка. – Нищий!

– Тихо, – шепотом одернула ее мама, краснея пятнами, – нельзя так говорить.

Чудной особенностью отличалась моя мамочка – ей всегда было неловко перед посторонними. Хотя казалось бы, какая разница? Ты не знаешь человека, и ему до тебя нет дела. Не все ли равно, что он о тебе подумает, что скажет?

Однако незнакомец и правда выглядел нищим. Не профессиональным побирушкой, каких много околачивается у торговых центров и на вокзалах, не попрошайкой, а бродягой, в самом деле не имеющим ни кола, ни двора.

Безжизненная, в пигментных пятнах кисть легла на край стола. Отец поморщился и со вздохом полез за кошельком.

– Не надо, – остановил его бродяга. – Не надо денег, пожалуйста.

– Тогда, может быть, еды? – засуетилась мама. – Вы голодны, наверное. Хотите, я закажу вам омлет?

– Спасибо, но эта пища не для меня. Я не могу есть, и монеты ваши мне ни к чему, – чужак все-таки присел, вернее, свалился на стул и застыл, вытянув длинные босые ноги в застиранных до непонятного цвета штанах. – Что купить на них? Любовь? Сострадание? Душевный покой? Я бегу из ада. Если хотите помочь, помолитесь за меня.

По лицу моего отца было видно, что он еле сдерживает досаду. А мне так хотелось потрогать эту руку – темную, как древесный корень, с земляными прожилками и глубокими кривыми бороздками, на вид твердую и словно покрытую корой. Почувствовать, какая она на ощупь. Грубая и шершавая, теплая от солнца? Или прохладная и влажная, как болотная коряга?

Но я знал, что мама опять расстроится. Прикосновение к чужому телу она считала верхом неприличия. К тому же – вдруг инфекция? Что если у бродяги какая-нибудь кожная болезнь: грибок, чесотка, а то и, упаси Бог, проказа?

Поэтому я сидел смирно, тихонько ковыряя пальцем скатерть. На ней обнаружилась зазубринка, и я старательно ее расковыривал. Портить чужие вещи тоже не разрешалось, но все-таки было меньшим грехом, чем приставать к незнакомцам.

– Ну, – смутилась мама, – не знаю. Если это, действительно, нужно... Но как ваше имя?
– Фредерик, – ответил чужак, и голос его прозвучал глухо. – Меня зовут Фредерик. Фамилия не важна, она необходима живым, а я умер осенью прошлого года. Пятое октября – вот день моей смерти. Мерзкая осень... дождь, ветер. И красный свет сквозь залепленное листьями окно. Я не чувствовал боли, как будто резал не свою, а кукольную плоть. Только благоговейный ужас.
Отец передернул плечами. Мама кусала губы. Даже я был озадачен, своим еще маленьким тогда умишком чувствуя подвох. Если кто и поверил бродяге – то моя сестренка Миа.
– Дядя Фредерик! – спросила она серьезно. – А что вы делали в аду?
Незнакомец улыбнулся – чудно, одними губами, так что ни один мускул не дрогнул. Словно не лицо у него, а кожаная маска.
– Что делал? Да ничего. Что можно там делать?
Но дотошная малявка не отставала.
– А правда, что в аду людей варят в котлах, а потом жарят на сковородке?
– Миа, отстань от человека со своими глупостями, – вмешалась мама. – Не видишь, он устал.
Фредерик поежился. Улыбка сползла с его лица.
– Котлы, сковородки... Живые ничего не знают про ад, поэтому сочиняют всякие сказки. Так им легче. Я сам что-то похожее читал в детской Библии – давно, когда еще был ребенком. Ничего не изменилось с тех пор. Любая страшилка лучше, чем неизвестность. Придумай злых чертей и лучезарных ангелов – и смерть перестанет быть прыжком в пропасть. А на самом деле все намного хуже, так плохо, как люди и представить себе не могут. Ад – это... как бы его описать? – он обхватил себя руками за плечи и стоял, покачиваясь, как огородное пугало на ветру. – Это очень вязкое пространство. Топь. Гнилые испарения. Воздух настолько тяжелый, что почти невозможно дышать. Знаете, что в аду на вес золота? Резиновые сапоги. Все ходят босиком, по щиколотку в болотной жиже. Ноги коченеют, кости ломит от холода... Идешь и мечтаешь об одной единственной сухой кочке, о клочке мха, чтобы обтереться... А самое жуткое – понимаешь, что избавления нет, – он перевел дух и каждому из нас посмотрел в глаза. Особенно пристально – мне и Миа, как будто искал поддержки у нас, детей. – Это место, где каждый сам себе палач. Не черти, не дьявол собственной персоной, а ты сам – со своими стыдом и виной, и ошибками, которые никогда уже не исправить. Человек наедине с собой – это пытка без конца. И я не выдержал. Убежал... Я и не думал, что это будет так легко. Но оказалось, что ад никем не охраняется. Представьте себе бесконечную трясину, ни деревца, только лужи с гнилой водой. И граница – узкая канавка. Я просто шагнул через нее и очутился на той стороне. Потом долго брел через мертвые деревни, через пустыри и сухостой, по кривым тропинкам, мимо кособоких хижин, в чьих окнах загадочно тлели болотные

огоньки, мерцали и пьяно подмигивали, словно пытаясь заманить в ловушку неосторожные души. Шел сквозь мутные сумерки и лунный свет, густой, как туман, мимо стылых пожарищ, и земля под моими ногами осыпалась пеплом... Мой путь из ада пролегал через безлюдные пустоши, в которых само время, казалось, застыло и смолой прилипало к подошвам, так что каждый шаг давался с трудом.

Вы удивитесь, наверное, как я, такой маленький, удержал в памяти столько подробностей?Как запомнил столь сумбурную речь и спустя много лет сумел повторить ее слово в слово? Нет, конечно, нет. Я уже не знаю, что и как на самом деле говорил незнакомец. В голове остались только картинки, расплывчатые образы, случайная игра солнца и красок – танец разноцветных стеклышек в калейдоскопе. Мне часто снилась эта встреча и снится до сих пор – каждый раз словно впервые, и каждый раз Фредерик резиново улыбается, щурясь от слишком яркого света, он тот же и не тот, неуловимо меняются интонации и жесты, и вроде бы по-старому и в то же время слегка иначе звучит его история. Она, как живое существо, созревает и растет в моих сновидениях. Я сочиняю ее заново, снова и снова, с начала и до конца. Так что все, что я вам сейчас рассказываю – это мои сны и фантазии. Я отвечаю за них, а не чужой и несчастный человек, заблудившийся между небом и землей. Не путник, который и так за все ответил сполна.

Я никогда не обсуждал с Миа этот случай из нашего общего детства. Только один раз – когда мы были уже подростками – на экране телевизора промелькнула реклама нового фильма. «Кошачий рай», – прочитала моя сестренка бегущие по экрану титры и вдруг спросила:

– А помнишь ангела?

– Конечно, помню, – ответил я.

Мимолетный взгляд, которым обменялись мы, сидя на диване в тесной комнатке и поедая картофельные чипсы, сказал больше тысячи слов. Мы оба захотели посмотреть фильм, но тот оказался, конечно, о другом.

Все-таки время – удивительная штука. Сравнение с рекой, как ни банально, точнее всего передает его суть. Оно течет и в то же время остается на месте, в тех же берегах, оно существует целиком – от истока до устья, от начала до конца вселенной, а где у вселенной начало и конец, никто толком не знает.

И где-то в этом потоке, отделенный от меня, настоящего, многочисленными излучинами, старицами и меандрами, бредет усталый странник. Из гиблого болотистого края, из мрачного ниоткуда, он идет босиком по выжженной земле, а за спиной у него – нет, не в аду, а еще дальше к истоку, вверх по течению реки – полыхает огонь.

Высокое пламя, до самых облаков, и луна в них, как печеная картофелина, а ночь – светлее дня – жаркая, гневная, мечется над спящим поселком, будто хищная птица, шипит и плюется багровыми искрами. Это пожар. Горит дом семейства Бланков. Растерянные, толпятся вокруг соседи. Запрокинули головы, в глазах у всех – оранжевые сполохи, во взглядах – испуг и

болезненное любопытство. Фрау Бланк бьется в истерике, заламывает руки, но выглядит это не картинно, а страшно, потому что лицо ее дергается, как у бесноватой. Она не кричит – воет:

– Дети! Там – дети! Спасите детей! Умоляю, спасите детей!

Ее удерживают, иначе кинулась бы в огонь, бедолага. Но куда ей? Фрау Бланк, хрупкая женщина в ночной рубашке, под которой круглился тугой, как футбольный мяч живот, и в огромных шлепанцах с чужой ноги.

Кто-то заботливо накинул ей куртку на плечи.

– Простудитесь, вам нельзя...

Да какая простуда, жарко, как в аду. Хотя, как мы знаем теперь, как раз там совсем не жарко – наоборот. Но в душе у бедняжки и в самом деле – ад. Двое ее малышей остались в горящем доме. Когда начался пожар, фрау Бланк, повинуясь инстинкту самосохранения, выскочила наружу. Она сделала это практически во сне – огонь и дым, треск горящих досок

показались ей продолжением ночного кошмара. Только на воздухе, на ночном ветру, она проснулась и закричала от ужаса:

– Ева! Марк!

Пятилетняя девочка и полуторогодовалый мальчик сладко спали в своих кроватках, когда вспыхнули занавески, и едкий дым затопил коридор, и рухнула потолочная балка, закрывая путь в детскую. Фрау рвалась из державших ее рук и звала детей, в отчаянной надежде, что те сумели вырваться. Может, кто-то успел им помочь? Может, ангел-хранитель осенил малышей своими крылами, отгоняя огненную смерть?

Но нет. Нигде их не было видно, только пламя ревело, как обезумевшее стадо тюленей, и летели по ветру черные клочки сажи.

– Спасите детей! – рыдала бедная фрау.

– Где ваш муж? – спросил ее кто-то.

– Не знаю, не знаю... Какая разница? Умоляю, сделайте что-нибудь! Спасите их!

Но, смущенные, отводили глаза зеваки, и не находилось среди них героев. Только неслышный за рокотом пожара прокатился по толпе шепоток. Вместо того, чтобы броситься на помощь Еве и Марку, обсуждали господина Бланка, который вот уже который месяц ночует у любовницы. На свое счастье, замечали некоторые, а другие возражали, что дом сгорел за его грехи.

Когда все казалось потеряно, вперед шагнул сын булочника, девятнадцатилетний Фредерик. Обычный парень, слегка безалаберный, может быть, немного тугодум – таким его знали. Звезд с неба не хватал. Будь он чуть поумнее, стоял бы вместе со всеми, а еще лучше – за чужими спинами. Тогда уж точно никто бы его потом не упрекнул.

Он скрылся в зияющем дверном проеме – словно нырнул в паровозную топку, провожаемый недоуменными взглядами соседей, и только фрау Бланк, зажмурившись от страха, беззвучно молилась.

Вроде бы прошла целая вечность – душная, злая, жаркая вечность – и кое-то из селян уже перекрестился, а фрау Райз, супруга торговца овощами, шепнула плотнику Гидо Шульцу: «Славный мальчик был сынок булочника, глуповатый, но славный». И Шульц ответил: «Угу», а что тут еще скажешь?

И вот, из геенны огненной вынырнул Фредерик, точно младенца, прижимая к себе не маленькую Еву и не крошку Марка, а Мотильду – любимую кошку Бланков. Это граничило с чудом – из дыма и копоти он вынес ее, белую, как снег.

Страшное молчание встретило его. Все лица окаменели от изумления. Как это так – кинуть на смерть детей, чтобы спасти животное – и даже несправедливое слово «убийца» сорвалось с чьих-то уст. Хоть и не убил никого Фредерик, но так уж в мире устроено – чем больше стараешься помочь, тем больше с тебя спросится.

И тогда, словно грозовая туча прорвалась молниями и дождем, фрау Бланк разразилась проклятиями. Она топала ногами и рвала на себе одежду, потому что ясно стало – сына и дочь ей не увидеть живыми, последний шанс упущен – и призывала всевозможные кары на голову злосчастного Фредерика. Он мог бы рассказать, как задыхаясь в кромешном дыму, искал детей, но малыши, должно быть, куда-то заползли, в какой-нибудь чулан или шкаф, а кошка сама прыгнула ему в руки. Не бросать же ее в огонь. Все-таки живая тварь. Он мог бы возразить, что хотя бы попытался что-то сделать – другие не совершили и того... Не много мужества нужно, чтобы глазеть на пожар. И что лишь Бог решает, кому спастись, а кому погибнуть, человеку ли, кошке... Но паренек стоял, ни жив, ни мертв, прижимая к себе Мотильду, ни звука не в силах вымолвить в свое оправдание.

Не защищаешься, значит, признаешь свою вину. Во всяком случае, так это воспринимается большинством людей. Фредерик молчал – и вина его росла, пока не сделалась такой огромной, что толпа уже готова была линчевать его. Наверное, так бы и случилось, если бы откуда-то, как джин из бутылки, не появился господин Бланк – широкоплечий и громогласный, и не накинулся на бьющуюся в истерике жену, мол, что случилось, какого черта, ты мне заплатишь за дом. Тут все внимание обратилось на него и про незадачливого спасителя забыли. Фредерик бочком выбрался из толпы, унося с собой Мотильду.

Говорят, проклятие – это палка о двух концах. И проклинающему, и проклятому – в жизни приходится одинаково худо. Можно назвать это законом кармы, или предрассудком, или просто наблюдением... Но обычно так и происходит, так вышло и на сей раз. Фрау Бланк потеряла ребенка. В ту же ночь у нее начались схватки, и под утро на свет появился слабый младенец, который не прожил и дня. Лишившись крыши над головой, бедняга скиталась по родственникам и все больше опускалась, превращаясь в жалкую приживалку и слабея умом. Во всех бедах она теперь винила «дьявольское отродье» – свою бывшую любимицу, маленькую белую кошку и «поганого

извращенца» – ее нового хозяина, каждого призывая в свидетели тому, как спелись проклятые нечестивцы. В самом деле, Фредерик и Мотильда очень привязались друг к другу. У нее не осталось никого, кроме этого угрюмого странноватого парня, а тот скучнел и отдалялся от людей, мучимый стыдом и угрызениями совести. Не то чтобы он в чем-то себя упрекал... Но уж очень неудачно все сложилось, и поверни он тогда в другую сторону, загляни под кровать или в кладовку – и малыши были бы спасены.

«И все-таки, – говорил он себе, – жизнь есть жизнь. Почему одна ценнее другой? И чем животное хуже человека? Оно не проклинает, не злословит у тебя за спиной... Не требует того, что тебе не под силу. Оно просто любит, и разве этого не достаточно?».

Он тут же упрекал себя, горько раскаиваясь в собственном бессердечии, в неумении отделить истинное от ложного. Он искал, но не находил в душе сочувствия бедной погорелице фрау Бланк – настолько въелись в память ее несправедливые, грубые слова.

«Что со мной не так? – спрашивал себя Фредерик. – Ведь я человек и сострадать должен себе подобным... Или у меня камень вместо сердца?»

Он склонял на бок голову и, действительно, прислушивался – стучит, не стучит... Камня в груди он не ощущал, скорее, какую-то слякоть или туман, что-то совсем не материальное, скучное и пустое.

Фредерик делил с Мотильдой уютные вечера, и когда та дремала, свернувшись калачиком на его подушке, или вылизывала крошечным розовым языком белоснежную шубку, чувствовал себя почти счастливым. У них была в эти минуты одна душа на двоих – чуткая, одинокая душа, не человеческая и не звериная, ненавязчиво-мудрая, мягкая и теплая, как шерстяное одеяло.

Он расчесывал ее густую серебряную шерстку, а она мурлыкала ему песенки, в которых смысла было не меньше, чем в самых мудрых человеческих книгах. Потому что пелись они на языке любви, а ничего более мудрого просто не существует на свете.

От людей же Фредерик шарахался, мрачнел и прятал глаза. Казалось чудаку, что каждый обвиняет его, даже если и не упрекает на словах, то уж точно думает что-то нехорошее. Не удивительно, что и дело его не спорилось, дохода не приносило, и булочную пришлось в конце концов продать. Тут бы ему и уехать – и начать все с чистого листа... Но годы растаяли, как снег в пригоршне, утекли водой сквозь пальцы, и вместе с ними растаяла и утекла жизнь его верной подружки Мотильды. Кошачий век не долог. Однажды в середине лета она заболела.

Кончался июль, но в воздухе пахло осенью. Легкий талый аромат межсезонья, его ни с чем не спутаешь. Но все-таки не такой, как в феврале-марте. Весна пахнет надеждой, а осень – грустью и несбывшимися мечтами.

Мотильда слабела, кашляла желчью, целыми днями лежала в ванной на холодном кафеле. Ее шкурка потускнела и свалялась. Обеспокоенный Фредерик поил больную отваром ромашки и тмина, и вроде бы ей становилось

лучше, прекратилась рвота, а потом наступило резкое ухудшение. В начале октября маленькая белая кошка умерла.

Фредерик хоронил свою любимицу под проливным дождем, в раскисшей от осенних ливней земле. Струи воды текли по его щекам, и может быть, мешались со слезами – но этого все равно никто бы не заметил. Даже если бы и околачивался кто-то поблизости... Но никому не было дела до горемыки и его мертвой питомицы. Только мокрые деревья качались и низко кланялись на ветру, роняя последние листья.

«Это всего лишь кошка, – твердил Фредерик, тыльной стороной ладони отирая воду с лица. – Всего лишь кошка».

Он повторял это, забрасывая жалкое тельце полужидкой глиной, и лопатой утрамбовывая могилу, и втыкая в землю две черные тополиные ветки – крест накрест, хоть животных и не хоронят под крестами. Туманное нечто, которое было у него в груди вместо сердца, уплотнилось и давило теперь на ребра, как настоящий камень, и снова почему-то вспомнились погибшие Марк и Ева. Чумазые, с руками, зелеными от водорослей. Плещутся в огромной луже посреди дороги. А он, как назло, в белых брюках.

– Что это вы делаете? Дайте пройти.

– Там пиявка!

Посмотрел, действительно. Пиявка. Черная, узкая, с утолшением на конце. Малыши радуются, трогают ее палочкой. Она извивается скользким жгутом, а Фредерик идет мимо. Ему неприятно смотреть. Да и что тут интересного? Подумаешь, мелкота возится в грязи.

«Подумаешь, потеря. Люди теряют близких... детей... А это всего лишь кошка», – повторил он, возвратясь домой, поужинал в одиночестве и... вскрыл себе вены.

– Но вы могли завести новую кошечку! – перебила его моя сестренка Миа. – Маленького котенка.

Фредерик грустно улыбнулся.

– Мог. Но сделанного не исправить. Это была минута слабости. Никогда не повторяй моей ошибки, девочка. Самоубийство – худшая из глупостей, потому что не оставляет тебе ни одного шанса... Посмотри на меня, что я такое? Не человек, не призрак. Болтаюсь как будто в невесомости. Позади ад – я больше туда не вернусь. В рай меня не пустили. И тут – не жилец.

Передернув худыми плечами, он уставился в землю, на свои бурые от пыли ступни. Его губы шевелились, точно он продолжал рассказывать – не нам, а самому себе.

Тут бы и закончить беседу, но нас с сестрой распирало любопытство. Мы, конечно, приняли его историю за чистую монету... и по правде говоря, принимаем до сих пор. Да и как иначе? Что видят глаза – тому верит сердце.

– Так вы отыскали рай? – поинтересовался я и локтем толкнул Миа в бок.

Моя сестричка уже сидела с открытым ртом, готовая задать тысячу вопросов, но я ее опередил.

– Отыскал.
– И где это?
– Ну как тебе сказать? Не близко и не далеко, а в таком месте, что живые, вроде вас, ни за что не найдут. Неприметная калиточка, перевитая плющем. И длинный дощатый забор. Я подошел и постучал, но никто не отозвался. Никто не вышел ко мне, но на третий день из щели в калитке вылезла бумажка. Там были перечислены все мои грехи, уныние, гордыня... а самый последний – самоубийство – обведен рамочкой. И приговор – в одно слово: «Отказано».
– И вы ушли?
– А что мне оставалось? Почему-то больше всего обидно было, что вот так... бумажкой отшили... С тех пор и скитаюсь... Я вот подумал только, если кто-нибудь из живых за меня помолится – искренне, всем сердцем – то, может, Бог меня простит? Пожалуйста! Земля меня уже не носит... Куда мне идти? Неужели обратно – в ад?
Вместо ответа отец резко отодвинул от себя вазочку. Мама слабо улыбнулась и махнула рукой. Почему она просто не сказала: «Хорошо»? Мама не верила в Бога и обещание помолиться ни к чему ее не обязывало. Возможно, постеснялась отца.
Фредерик облизал губы.
– Ладно. Спасибо, что выслушали.
Он попятился, натыкаясь на стулья, и пятился до самого выхода из кафе, а потом развернулся и зашагал по залитой ослепительным солнцем дороге.

– Я помолюсь за вас, – крикнула Миа ему вслед.
Фредерик обернулся.
– Спасибо, девочка.
Отец скривился, как от зубной боли, и помахал официанту, видимо, желая попросить счет.
– Это черт знает, что такое, – проворчал он. – Столько психов развелось, нормальным людям деться некуда.
– И правда, – поддакнула ему мама.
Мы с Миа переглянулись.
Не прошло и трех минут, как моя сестренка попросилась в туалет.
– Ну, иди, – разрешила мама.
– Я боюсь одна.
– Я провожу, – вызвался я.
Как мы бежали! Только пыль вилась золотым облаком, скрывая тощую фигуру Фредерика, маячившую впереди. Мы почти догнали его у перекрестка, когда свет вдруг побелел и странная, глухая тишина объяла все вокруг.
Там, на пустынной развилке, нам явился ангел – очень необычный ангел. Бескрылый, он замер на секунду в прыжке, изогнувшись грациозно и распушив хвост, а после мягко приземлился на все четыре лапы. Густая шерсть сверкала серебром, так что казалось, будто его окружает сияющая аура. Медовые глаза лучились спокойной мудростью. Усы чутко подергивались.

Каждая шерстинка его блистала так, что хотелось зажмуриться. Подушечки лап не тонули в пыли. Лучезарная кошка как будто парила над дорогой в облаке жемчужного света.

Она потянулась и села, окутав себя роскошным хвостом, и навострила уши. Я видел, как Фредерик застыл на полушаге и – простерся ниц.

– Добро пожаловать в рай, – сказал кошачий ангел.

– Но, мои грехи... – промямлил Фредерик. – Уныние, гордыня... да, и самоубийство? Самоубийц не пускают в рай!

– В человеческий – нет. Для людей все это важно. А для нас существует только один грех – плохое обращение с кошками.

– Я никогда не обижал кошек.

– Хочешь быть человеком-праведником в нашем раю? Тогда милости просим. Только имей в виду, что кошки у нас – главные, а люди им служат... Тебя это не смущает?

– Нет!

– Ну что ж, тогда идем.

Кошка грациозно потянулась и шмыгнула в кусты. Фредерик поднялся и, отряхнув брюки, последовал за ней. Померк удивительный свет. Мы с сестренкой опасливо приблизились и осторожно, замирая при каждом шорохе, раздвинули ветви боярышника. Позади кустарника тянулся старый забор, черный от дождей, кое-где со следами зеленой краски – но высокий и крепкий. Как раз в том месте, где исчез бродяга, оказалась калитка. Малозаметная, обвитая диким вьюнком... Я подергал – заперто.

Много лет спустя, я спрошу сестру:

– А ты и правда за него молилась?

– Ну, совсем чуть-чуть, – смутившись ответит она. – Я и не умела толком. Просто подумала: пусть у него все будет хорошо. А ведь так и получилось, скажи?

– Да, – соглашусь я, – лучше не бывает.

Млечный путь – рукав Ориона – Планета Земля. Путешествие в Италию

Проза по-итальянски. Обрести гармонию

Гелия Алексеева

Дом – это не место, а состояние души.
Сесилия Ахерн

Накануне нового года снег то тихо и мягко сыпался, то вдруг валил крупными хлопьями, то начинал таять. Словно поддерживая это непостоянство, по-зимнему яркое солнце то появлялось, то пряталось за тучами. Хозяйка собиралась за покупками и уходя, обвела взглядом комнату, и посмотрела на стол, где струилась прозрачная серебристая ткань для нового платья. Шить не хотелось. Новогоднее настроение не приходило, хотя не было явной причины. Одна из её клиенток, знакомая с восточным учением фен-шуй по гармонизации человека и окружающей среды, сказала, что в её комнате все предметы обихода, книги, посуда стоят не там, где нужно, и это способствуют утечке жизненной энергии.

– Ещё успею до нового года переставить мебель и от лишнего избавиться! – подумала Хозяйка и ушла.

Обитатели дома, пережившие не одну генеральную уборку и чистку по любому поводу – приближение праздников, семейных дат, просто плохое настроение или новое увлечение Хозяйки, в очередной раз содрогнулись от страха быть выброшенными из дома. Жуткое слово Фен шуй преобразовалось в ещё более жуткое – свалка!

Маленькая балерина поднялась в шкатулке и начала нервно репетировать фуэте. Кресла жалобно заскрипели:

– Совсем недавно обивку меняли! Может быть, не тронут? На улице холодно, а у нас артрит…

Будильник безнадёжно пытался завести сам себя, сокрушаясь, что теперь по утрам Хозяйку будит телефон, а он давно уже стоит задвинутым на полке рядом со стаканом, в котором лежала потемневшая монетка.

Стиральная машинка сожалела, что каждый раз высказывала Хозяйке своё недовольство:

– Что, опять стирка?! Я так устала!

Ворочаясь под чехлом, печатная машинка тяжко вздыхала:

– Не получается уже у меня вдохновлять на творчество. Появился этот ноутбук… а в нём сидит невидимый интернет…

Струны старого пианино напряглись – инструмент давно не настраивали, и чтобы хоть немного успокоиться, стали повторять стихи Осипа Мандельштама:

Мы сегодня увидали
Городок внутри рояля.
Целый город костяной,
Молотки стоят горой.
Блещут струны жаром солнца,
Всюду мягкие суконца,
Что ни улица – струна
В этом городе видна.

– Да замолчи ты, чёрный ящик! – прервал скороговорку аккордеон, с ужасом вспомнив, что у него не хватает одной клавиши.
Книги на полке, волнуясь, переговаривались:
– Неделю назад вынесли коробку с книгами и журналами…
– А ведь Хозяйка говорила, что так хочет читать. Мы сколько можем рассказать о путешествиях… о судьбах…
– Но книгам ещё повезло – они попали в библиотеку…
– Поломанный магнитофон, мясорубка и пылесос отслужили своё… ничего не поделаешь…
– А поздравительные открытки от друзей вылетели в мусорное ведро! Хотя это самая хорошая положительная энергия… С каждой привычной вещью уходят воспоминания…

– Что творится на помойке! Вот голуби прилетали к окну и рассказали – под новый год на помойке можно жить… и одеваться… и спать… и есть…
Прислушиваясь к разговору книг, расписные фарфоровые чашки прижались друг к дружке, а бокалы, издав глухой звон, едва слышно стали возражать:
– Боги пили амброзию только из хрустальных бокалов… неужели мы хуже турецкого стекла?
– Я согласен лежать и на полу… правда холоднее, и ворс затаптывается… но зато я буду чувствовать её шаги…– мягким баритоном проговорил ковёр.
Люстра, привыкшая смотреть на всё свысока, смахнула несуществующую пыль, качнула хрустальными подвесками под плафонами, и многозначительно заявила:
– Телевизор! Ты все новости знаешь! Может быть фен шуй уже не в моде?
– Сейчас становится актуальной старина! Мебель должна быть немного потёртой, состаренной. Ковры, хрустальная посуда, статуэтки, вазы, фотографии и рисунки из далёкого прошлого, зеркала в красивых винтажных рамах снова популярны… Но, если она увлечётся стариной, неизвестно, что с нами будет! – авторитетно ответил телевизор.
– Нас будут тереть наждачной бумагой? – вздрогнув, с болью в голосе возмутились кресла.
Не обращая внимания на их стоны, ответственная люстра обратилась к книгам:
– Вы здесь самые умные! Что у вас написано по этому поводу? Пошевелите страницами, найдите способ нам всем уцелеть!

– Главное – гармония в душе, – блеснув золотистым переплётом, важно ответила толстая книга, в которой были записаны мудрые мысли.
– Книга дело говорит! – поддержало разговор большое зеркало. – Мы заняты собой и не навеваем Хозяйке хорошие мысли. Мы все вместе не создаём ей хорошее настроение, мы её недостаточно поддерживаем, успокаиваем, не бережём её отдых… Я теперь буду показывать её только красивой…
В двери щёлкнул замок и вошла Хозяйка. Она устало поставила сумку с продуктами и присела на пуфик. В комнате было непривычно тихо, все предметы в комнате замерли в ожидании. Затем осторожно качнулась люстра, подарив мягкий разливающийся свет, робко и нежно звякнули хрустальные бокалы. Ковер поспешил показать замысловатый узор, успев поймать луч солнца, книги выстроились на полке, призывно блестя переплетами с золотым тиснением. Штора заботливо приглушила яркий свет, и комната наполнилась успокаивающим полумраком.
Хозяйка отнесла сумку в кухню, вошла в комнату, опустилась в кресло и откинулась на спинку. Мягкое кресло бережно приняло её в свои объятия, и она задремала. Ей приснился ярко освещённый дом. Там посреди комнаты на мягком ковре стояла новогодняя ёлка. Крышка пианино была открыта и чистые звуки вальса наполняли зал. Аккордеон растягивал меха и тоже играл, а хрустальные бокалы, словно литавры, ритмично позванивали. Ледяные фигурки тонкими кисточками рисовали новые узоры на окнах, балерина легко порхала в белой пачке, а фарфоровые статуэтки танцевали парами.

И Хозяйка почувствовала, что тоже находится в этой комнате на новогоднем балу, в новом платье из серебристой ткани, а когда проснулась, ей показалось, что её комната очень похожа увиденную во сне. Она вспомнила – подходя к дому, заметила в окне мерцающий свет. Неужели Ангел отметил её дом своим присутствием? А ведь это к счастью!
– Как же хорошо и тепло дома! – подумала она, будто заново рассматривая своё привычное, но в чём-то новое жильё. И почувствовала, что душу наполняет восторженное состояние соприкосновения с окружающим миром и предчувствие праздника, такое, как бывает, пожалуй, только в детстве.

Проза по-итальянски. Сундучное пространство

Елена Картунова

Из-за навязчивой идеи начать жизнь с чистого листа, незадолго до наступления Нового года, мне вдруг загорелось избавиться от давно ненужного старья. По этой причине приговор на выброс был вынесен сначала всем одиноким носкам и перчаткам, а затем – поношенной обуви и давнишним шапкам и шарфам.
Сказано – сделано. И вскоре большой мусорный пакет был набит этим барахлом.

Вскоре очередь дошла и до посуды. Кручу в руках когда-то любимое блюдце, которое уже давно живёт без чашки. Жаль выбрасывать, красивое. Но две щербинки на кромке перевесили чашу весов сомнения. Скрепя сердце, опускаю блюдечко на дно картонной коробки.
Над фарфоровым чайником даже думать не стала – старый, с трещиной на носике и без крышки. За ним последовали несколько тарелок, древний ковшик и ряд прочей кухонной утвари.

Вдруг краем глаза замечаю какое-то движение возле собранного пакета с обувью и шапками.

Кот, что ли? Он любит лазать по коробкам и прочим ёмкостям. Подхожу, раскрываю пакет – кота нет, но и часть содержимого куда-то исчезла. Я тут же – к коробке с посудой. В ней тоже недостача.
Понятно...
– Тишка, это ты ревизию проводишь? – громко спросила я, отправляясь в кладовку, где покоятся предметы для наведения чистоты в доме.
– Ну я, – чем-то гремя, отозвался домовой.
– Тиша, а зачем тебе этот мусор?
– Это не мусор! Это жильцы нашего дома! – возмутился домовой. – А ты их на помойку. У них же душа трепещет от страха!
– У вещей душа?! – удивилась я.
– Конечно... Правда, не у всех.
– И как же ты определяешь, какие с душой, а какие – без?
– Долго объяснять, хозяйка, – пролепетал Тишка.
– И ты всегда спасаешь тех, что с душой, – констатировала я, с трудом представляя, сколько должно накопиться всякой всячины в Тишкиных апартаментах.
– Всегда спасаю, – серьёзно ответил домовой.
– И где же оно всё? Кладовка-то маленькая.
– Ну, ты даёшь, хозяйка! Знаешь ведь про мой сундучок! – воскликнул Тишка.
– Знаю. И что с ним?
– А сундучок с секретом. Он снаружи маленький, а внутри – большой.

– Безразмерный, что ли?
– Вроде того, – сказал домовой неуверенно.
– Может, там у тебя вход в соседнее пространство? – предположила я.
– Не в соседнее, а в сундучное! – поправил Тишка, материализуясь.
– Ну, хорошо, пусть сундучное. И ты думаешь, все эти ненужности в другом месте будут нужны?
– Ну да! У них там совсем другая жизнь! Они...
– Да мне плевать на их жизнь! – раздраженно перебила я спасателя душ. – Я тут битый час сижу, перекладывая всё с места на место. Мог бы подойти и помочь!
– Это привычка такая... всё тайно делать, – смутился домовой. – Я иногда забываюсь.
Глаза у Тишки были, как у провинившегося щенка.

– Тиша, а ты только вещи в сундучок отправляешь? – смягчилась я.
– Почему же? Мы с котом тоже часто в него забираемся.
– С котом?! Интересно... И мне можно? – на всякий случай поинтересовалась я.
– Нет, хозяйка. Только не обижайся. У нас ведь тоже есть правила. Без особой нужды никого и никогда... А я законопослушный. К тому же моё дело – охранять жильё и спасать вещи, – затараторил Тишка.

– А коту, значит, можно?
– Коту можно. Кошки, они особенные. Они – это... проходимцы во всё: и в сундучное, и в за ковёрное… это, как его... пространство...
– И в за дверное, и в заоконное, – продолжила я обиженно. – Ладно. Перейдём к вещам. Вместе будем сортировать.
Я помолчала и продолжила:
– Если честно, мне тоже жаль расставаться с некоторыми вещами. Вроде и не нужны, а душа приросла.
– Во-от, твоя душа приросла, а у вещей – проросла, – подхватил домовой разговор о душах.

И мы взялись перебирать кандидатов на ликвидацию... А совесть мучает. Это что же получается? Вещи мне служили, согревали, защищали. А как обветшали или испортились, я их предаю? А они страдают.

– Тиша, знаешь... не могу я вот так... с друзьями, – призналась я. – Может, ты сам разберешься, что куда?
– Нет проблем, хозяйка. Иди по своим делам, – легко согласился домовой.

Я поднялась, продолжая думать о сундучке, вещах с душами и законопослушании. А кот вонзил в меня долгий немигающий взгляд, словно говоря: «Глупые вы, люди. Очевидного не видите и не понимаете».

Оглавление

I. Планета Голливуд

Иллюзион

Пусть будут. *Наталья Сафронова* 4
Важный шаг. *Владимир Печников* 6
Семья. *Милана Секоненко* 8
Линда. *Туранга* 11
При виде меня вам лучше закрыть глаза. *Милана Секоненко* 13
Снеговик Кеша. *Елена Ланина* 16

Короткометражка

Зевс. *Ирина Архипова* 18
Арнольд. *Ольга Альтовская* 19
Пират. *Ольга Альтовская* 20
«Ветер перемен». *Aleker* 21
О пользе музыки. *Гелия Алексеева* 22
Не трогайте тигров. *Владимир Печников* 23
Фокус. *Aleker* 24
Фокус. *Милана Секоненко* 25
Говорящее письмо. *Елена Картунова* 26
Письмо из будущего. *Ольга Альтовская* 27

Стоп-кадр

Клиент всегда прав! *Таёжник* 28
Аптечная рапсодия. *Милана Секоненко* 30

II. Планета путешествий

Земля – Орион. Конкурс миниатюр

Жаркая сказка. *Елена Картунова* 35

Земля – Орион – Минтака. Путешествие пятое (55-словники)

Фарш. *Ирина Архипова* 36
Фанатка. *олдшуз* 37

Земля – Орион. Зимний конкурс миниатюр

Завируха. *Ольга Альтовская* 38

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурс психологических рассказов

Мой маленький друг. *Джон Маверик* 41
3 часа из моей жизни. *Aleker* 44

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс афоризмов

Афоризм – побочный сын сестры таланта. *Сергей Кодес* 47
Клубень – парень, завсегдатай клуба. *Александр* 47

Поэзия – способ дышать, когда совсем невмоготу. *Алексей Лис* 47
Жизнь это сейчас между никогда. *AlexV* 47
Образ – одомашненный дикобраз. *Сергей Кодес* 47
Муха – насекомое, под которым весело. *GP* 47
Рифма – мама рифа. *Алекс* 47
Земля – Созвездие Жирафа. Конкурс детских рассказов
Письмо. *Милана Секоненко* 48
Ночная сказка. *Aleker* 51
Алонзо и солнце. *Гелия Алексеева* 53
Земля – Созвездие Мухи. Конкурс абсурдизмов
Страдательное причастие и повелительное наклонение – теперь муж и жена! *Сергей Че* 57
Вы так забористо краснели, что захотелось перелезть. *АлеХ* 57
Стреляли в молоко, но оно убежало. *Елена Картунова* 57
И стал старик кликать золотую рыбку... На третьем клике клавиша залипла. *Вера Рехтер* 57
Мы поделили пополам. Мне повезло – досталось «лам». *Алексей Лис* 57
Деловая колбаса объявила независимость от мясокомбината. *Marina Khlystova* 57
Хроники Марса. Первая дуэль
Цветное утро – 2. *Ирина Архипова* 58
Хроники Марса. Вторая дуэль
Чужой. *pawlowna* 60
Хроники Марса. Третья дуэль
Философская сказка. *Елена Картунова* 63
Земля – Созвездие Насос. Конкурс эссе «Здравствуйте, я ваша тётя!»
Хрупкость. *Евгения* 65
Как важно видеть мелкие детали. По стихотворению Елены Бородиной «Воробьиное». *Яна Яблоко* 69
Таёжник. Кто стучится в дверь ко мне? *Николь Аверина* 73
Земля – Созвездие Дракона. Второй конкурс сказок
Чертёнок. *Aleker* 79
Земля – Созвездие Гончих Псов. Конкурс фантастических рассказов
Перекур. *АлеХ* 83
Земля – Созвездие Наугольник. Конкурс в стиле Кено
Все мы немного рыбы. *Милана Секоненко* 85
Земля – Созвездие Эридан. Конкурс мистических рассказов
Картина. Ольга Альтовская 87

К барьеру! Первая дуэль
Кошачий рай. *Джон Маверик* 90
Млечный путь – рукав Ориона – Планета Земля. Путешествие в Италию
Проза по-итальянски. Обрести гармонию. *Гелия Алексеева* 99
Проза по-итальянски. Сундучное пространство. *Елена Картунова* 102

Оглавление 104

Парад Планет
Победители прозаических конкурсов

Составление, вёрстка, дизайн
Виталий Музуров, Ирина Архипова

Литгалактика, 2022